

Сергей Изуграфов
Забывтый демон

Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

**Забытый демон. Детективная
серия «Смерть на Кикладах»**

«Издательские решения»

Изуграфов С.

Забывший демон. Детективная серия «Смерть на Кикладах» /
С. Изуграфов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934039-9

Алекс Смолев, кадровый офицер военной разведки, переезжает из Санкт-Петербурга на Наксос — один из кикладских островов. Покупает виллу и виноградник в надежде на спокойную и размеренную жизнь. Но происходящие убийства и сомнительные «несчастные случаи», в которых гибнут постояльцы виллы, заставляют его принять участие в расследовании. Ему помогают друзья, уголовная полиция острова, даже Бюро Интерпола Греческой Республики. И вот снова очередное преступление ставит полицию острова в тупик...

ISBN 978-5-44-934039-9

© Изуграфов С.
© Издательские решения

Содержание

ЗАБЫТЫЙ ДЕМОН	6
Пролог	7
Часть первая	12
Часть вторая	21
Часть третья	26
Часть четвертая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Забытый демон

Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

© Сергей Изуграфов, 2018

ISBN 978-5-4493-4039-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАБЫТЫЙ ДЕМОН

Проклятье будет на тебе и будет оно вечно!
Роберт Саути.

Пролог

*Разве что-то должно случиться,
чтобы захотелось увидеть старого друга?
Мастер Узвэй.*

Свежий северный ветер «мельтеми», несущий летом спасительную прохладу на Наксос, – небольшой остров посреди Эгейского моря, прежде чем исчезнуть до следующего лета, задул напоследок сентябрь, как свечу, и жара незаметно ушла, сменившись бархатным сезоном. Днем столбик термометра застыл на невыразительных двадцати двух градусах по Цельсию, а ночью опускался еще на пять, так что всем наконец стало очевидно, что на греческий остров пришла осень.

Постепенно опустели песчаные пляжи и каменные набережные Хоры – столицы острова, прибрежные кафе с их яркими, расписанными вручную вывесками – шедеврами местного Пиросмани¹, сувенирные лавочки и маленькие магазинчики с товарами, среди которых неизменно преобладали тимьяновый мед, китрон², сыры, вино и оливковое масло местного производства.

Для греков, что приезжают летом погостить на Наксос с материка, завершился сезон отпусков, и настала пора возвращаться по домам. Там их вскоре ждет дождливая ветреная зима, полная хлопот и тревог, затянувшихся экономических неурядиц, легкой грусти по ушедшему лету и надежд на скорое возвращение в этот райский уголок. Паромы прибывали на остров ежедневно, все еще следуя летнему расписанию, но уже чаще полупустыми, увозя на материк в большом количестве загорелых, отдохнувших, но притихших и слегка опечаленных туристов. Лето кончилось.

Местные жители в это время года привычно хлопочут в садах, на пасеках и виноградниках: у крестьянина всегда есть дело, если хочешь прожить зиму в тепле и достатке. «Осень кормит зиму», это всем известно. Опять же надо успеть убрать виноград до похолодания и сделать свое вино, разлив его затем по бочкам и оставив созревать в сухих и прохладных подвалах. Что может быть важнее? Впрочем, температура здесь даже в самый «суровый» зимний месяц почти никогда не опускается ниже тринадцати градусов выше нуля. И то, что местные греки воспринимают как «похолодание», немногочисленные гости бархатного сезона, особенно те из них, что прибыли на остров с далекого севера, называют «прекрасным мягким климатом», наслаждаясь отсутствием летнего зноя, опустевшими, знаменитыми на всю Грецию живописными пляжами и все еще теплым морем.

Пусть на набережных и променадах людей стало меньше, но с обеда и до позднего вечера в тавернах все так же играет музыка. Из кухонь плывут ароматы сочной баранины или козлятины, приготовленной на углях с дымком, лаврака на решетке, – морской рыбы, больше известной туристам из других стран под именем «сибас», печеного на углях лука, обжаренных в оливковом масле перцев и баклажанов с чесноком. Эти запахи смешиваются с благоуханием омаров в томатном соусе, щедро сдобренном пряными травами, птицы, тушеной в красном вине по местному рецепту, и традиционной похлебки из мидий. К ней подается на тарелке с ломтиками лимона жареный сыр саганаки-гравьера с золотистой хрустящей корочкой. Все это сливается с феерическим букетом специй, чеснока, лимона и оливкового масла, – как уж тут устоять! Ноги сами приведут вас на порог ближайшей таверны...

¹ (Нико Пиросмани, гениальный художник-самоучка грузинского происхождения, представитель художественного направления «примитивизм», расписавший большое количество вывесок в оплату за кров и еду – прим. автора)

² (ликер китрон с острова Наксос берет свое название у цитрусового растения цитрон, производится в деревне Халки и бывает трех видов, в зависимости от крепости напитка – прим. автора)

Еще не успевают опуститься самые легкие сумерки, но все туристы и местные жители уже расходятся по приглянувшимся тавернам, где, оживленно переговариваясь, занимают места за столиками и отдают дань местному гастрономическому ритуалу. Немедленно появляющиеся улыбочивые официанты молча ставят перед постоянными клиентами глиняные литровые кувшинчики с домашним белым вином из местных сортов винограда, блюда с холодными баклажанами, тушеными в оливковом масле с чесноком. Довершают картину плетеные корзинки с горячим домашним хлебом, нарезанным огромными ломтями. Под ароматную закуску и вино с нежным цветочно-цитрусовым привкусом, в ожидании основного меню, начинаются дружеские беседы. Они продлятся далеко за полночь, а иногда и до самого утра. В этот предзвездный час за сдвинутыми теснее столами, чтобы поместились все гости, останется лишь паратройка самых стойких посетителей, держащих в руках полупустые бокалы и улыбающихся друг другу с благодарностью за прекрасно проведенное время в душевных разговорах.

Ошибется тот, кто предположит, что на небольшом клочке суши посреди Эгейского моря день и ночь для островитян столь же различны, как и на материке. Границы суток здесь настолько смазаны, что очень часто забываешь и дату, и день недели. Стоит пробыть здесь хотя бы месяц – все! Ты потеряешь счет времени навсегда. Кажется, что тот самый «праздник», о котором писал Хемингуэй, и в самом деле наконец-то «с тобой». Праздник, непрерывно напоминающий о себе мерным шелестом прибоя в марине, ароматами таверн, запахом пиний, водорослей и йода. И самая волшебная его пора – ночная, самая загадочная, полная тайн и неожиданных поворотов, что случаются в судьбе почти у каждого. А внешне на острове царит спокойствие и безмятежность...

«Спокойствие и безмятежность? Как бы не так! Стоит только приехать на греческий остров, выйти на набережную, занять столик в таверне, тот самый, у кромки прибоя, и немного подождать... И что-то обязательно произойдет, уж поверьте моему опыту!»

Так, посмеиваясь своим мыслям, рассуждал худощавый и подтянутый брюнет лет сорока пяти, ростом выше среднего, в светлом костюме и замшевых туфлях. Брюнет с отличной выправкой кадрового военного неспешно прогуливался, словно в ожидании кого-то, по набережной Наксоса вдоль линии таверн, кафе и сувенирных магазинчиков. Было видно, что мужчина пребывал в отличном настроении. Его гладко выбритое, странно бледное для жителя южного острова лицо бросалось в глаза и вызывало удивленные взгляды у встречных туристов. Седина уже начинала пробиваться у него на висках, а у четко очерченных губ залегла легкая складка, которая могла бы стать резче, стоило ему лишь озабоченно или сердито нахмурить брови. В такие моменты его обычно спокойные серые глаза словно леденели, движения становились стремительными, точными и резкими. Наметанный взгляд замечал сразу, что перед ним опытный боец, мастер единоборств, профессионально обученный и подготовленный.

Любой, впервые столкнувшись лицом к лицу с необычным брюнетом, долгое время не смог бы оторвать взгляда от косого, давно зарубцевавшегося белого шрама на его левом виске, будто кто-то очень давно махнул наискось острой бритвой, целясь, судя по всему, по глазам, и промазал, оставив на лице мужчины эту отметину. Но лишь немногие под его пристальным взглядом осмеливались задать вопрос о том, как именно это произошло. Еще меньше получали исчерпывающий ответ.

Дойдя до конца причала, откуда отдельная дорожка вела на маленький островок Палатий, где находится огромная арка Портара³ – одна из важнейших достопримечательностей Наксоса, брюнет остановился и, помедлив, спустился на галечный пляж, подойдя почти к самой кромке воды. В его руках немного странно смотрелась элегантная трость из полированного дерева, которой он время от времени задумчиво помахивал. Костюм, сшитый точно по мерке, выгодно

³ (Главный отличительный знак Наксоса, гигантский мраморный портал недостроенного в VII веке до н.э. храма Аполлона – прим. автора)

подчеркивал его осанку, отчего он казался еще выше, но при этом совершенно не стеснял движений. Мужчина, пройдя несколько шагов, вдруг остановился, прижав трость к телу локтем левой руки, быстро наклонился, подобрал плоский камешек, что попался ему под ноги, и, резко размахнувшись, пустил его по глади воды, в уме считая «блинчики». «Семь, восемь... Десять... Двенадцать, тринадцать... Тринадцать! Чертова дюжина!»

Брюнет пожал плечами, отряхнул руки от налипшего песка. Результат ему не понравился, но владелец виллы «Афродита» Алекс Смолев был человеком, далеким от суеверий. Тем не менее, он поискал глазами очередной гладко отшлифованный голыш и только собрался протянуть к нему руку, чтобы исправить результат, как услышал знакомые легкие шаги у себя за спиной и, не оборачиваясь, улыбнулся.

– Вот видишь, дорогая Лили, – прозвучал мелодичный женский голос, говоривший по-английски с едва уловимым испанским акцентом. В голосе ясно звучали с трудом сдерживаемые смешливые нотки. – Я же говорила, что он здесь, на пляже! Наслаждается жизнью! Камешки бросает! Пока я мучаюсь с покупками! Никакого сочувствия к женской доле!

Ее светловолосая подруга, по виду – англичанка, с явной примесью ирландской крови, судя по россыпи рыжих веснушек, широко улыбнулась, отчего на ее веснушчатых щеках заиграли ямочки, и сердечно поздоровалась с мужчиной, быстро поднявшимся к ним на пирс:

– Добрый день, Алекс! Мы со Стефанией и вправду уже четверть часа вас разыскиваем! Обошли все кафе в этой части набережной.

– Четверть часа? Вот она – английская сдержанность! – фыркнула испанка. – Битый час, не меньше! Я звала тебя еще из лавки, но ты меня не слышишь! Камешки он бросает в воду! И не надо больше рассказывать мне, насколько ты меня старше! Больше я тебе не поверю ни за что! И зачем ты отключаешь телефон?

– Наконец-то, дорогая, – успел вставить слово Алекс, обернувшись и продолжая улыбаться. – Ты уже закончила обходить лавки? А где твои покупки? Я ничего не вижу. Ничего не приглянулось? Жаль! Добрый день, Лили! – поздоровался он с англичанкой. – Телефон я отключил, чтобы Катерина не мешала нам отдыхать. Она уже трижды позвонила с отчетом о заехавших постояльцах. И если бы я не сделал вид, что мой мобильный разрядился, то до сих пор бы еще выслушивал ее соображения по поводу размера и цвета чемоданов у новых жильцов и каких-то фотографий знаменитостей с автографами. Софья уехала в Додзё, оставив ее одну на «мостике»⁴ и, похоже, ей просто не с кем поговорить. Отключил и раньше ужина включать не собираюсь! Все вопросы подождут до вечера!

Затем он сам обратился к подруге своей спутницы с вопросом:

– А как ваши дела, Лили? Какими судьбами? Я думал, вы с Джеймсом вернетесь с морских раскопок только к вечеру: капитан Василиос говорил, что вы идете к южной оконечности Пароса. Это добрых пять миль в одну сторону!

– Непредвиденные обстоятельства, Алекс, – улыбнулась ему англичанка. – Пришлось поспешить!

– Это даже хорошо, что вы поспешили: Петрос обещает сегодня на ужин что-то грандиозное! – заметил Смолев. – Он пригласил еще двух поваров, будет что-то среднее между аргентинским асадо⁵ и греческим вечером с жареным барашком-патудо. Кстати, прибыла и новая партия вина из долины. Музыка и танцы тоже в программе!

– Какая прелесть! – воодушевленно воскликнула Лили. – Если бы мы это пропустили, Джеймс бы не смог этого пережить! Вы же знаете, перед кухней «Афродиты» он просто бла-

⁴ (Смолев так называет стойку ресепшн виллы «Афродита», рабочее место Катерины – консьержа и руководителя службы расселения – прим. автора)

⁵ (Асадо; (исп. Asado) – популярное блюдо из жареного мяса, распространённое в Аргентине, Боливии, Чили, Колумбии, Эквадоре, Парагвае, Перу, Уругвае и Венесуэле; техника приготовления кусков мяса, как правило – говядины, которые жарятся на гриле (парилье) или открытом огне – прим. автора)

гоговеет. Сам не свой перед каждым ужином. За час до выхода бегают по номеру, заламывает руки и буквально стонет, все подгоняет меня, чтобы не возилась с туалетами: переживает, не остыли бы горячие закуски. А потом его за уши не оттащить от блюда с креветками или с жареной бараниной. Он как-то сказал мне, что ваша кухня, дорогой Алекс, – это блаженство для англичанина, «райские кущи с нектаром и амброзией», как он выражается. Думаю, что в устах историка-археолога это высшая похвала. В общем, рай. В его понимании, конечно.

Все трое весело рассмеялись. Аппетит Джеймса Бэрроу, прямодушного и немного наивного весельчака, доброго друга хозяина виллы «Афродита», давно вошел в поговорку у работников виллы: «Голоден, как английский археолог!» – говорили повара и официантки. Его увлеченность островной греческой кухней уступала лишь его главной страсти – подводной археологии. С недавнего времени, признав его неоспоримые научные заслуги, Министерство культуры Греческой Республики предложило ему пост почетного директора археологического музея на Наксосе.

– Так что же произошло? Что заставило вас так быстро вернуться?

– Алекс, вы же знаете, насколько Джеймс неугомонен! Еще утром на борт «Афины» водолазы подняли несколько чудом сохранившихся флаконов из разноцветного венецианского стекла. Он едва дождался, пока капитан Василиос высадит нас на берег, и со всех ног помчался скорее в музей. Я неоднократно звонила ему туда, но муж взял трубку лишь с третьего раза, и по осипшему голосу я поняла, что он уже два часа спорит до хрипоты со своим помощником, недавно назначенным смотрителем музея.

– О чем? – искренне удивилась испанка, крепко взявшая Смолева под левую руку и с большим интересом следившая за разговором.

– О датировке, вероятнее всего, – снова рассмеялся Смолев, постукивая тростью по бетону пирса. – О чем еще могут спорить археологи? Муранское стекло стали производить на одном из венецианских островов, если я не ошибаюсь, с конца тринадцатого века. Несколько производств сохранились и по сей день. Семьсот с лишним лет! Огромный исторический период. Есть, о чем поспорить!

– Совершенно верно, – сокрушенно покивала головой Лили. – Кристина ушла на день рождения к своей подружке и пробудет там до самого вечера, у них там настоящий детский клуб с викторинами, конкурсами и детской дискотеккой, после которой начнется просмотр мультфильмов. Дети в этом сезоне совершенно без ума от «Кунг-Фу Панды». А мне совершенно нечем заняться. Муж сказал, что они сейчас отправятся в Кастро⁶, поговорить со старшим смотрителем и руководителем экспозиции венецианского музея, чтобы «разрешить важнейший вопрос, не терпящий отлагательств», и, прежде чем бросить трубку, сказал, чтобы я тоже шла туда, если не хочу прождать его на набережной до позднего вечера.

– Никогда бы не подумала, что в археологии столько эмоций, – вполголоса по-испански произнесла Стефания, заглядывая в глаза Смолеву. – Мне казалось, что это наука, которая настраивает на спокойный и созерцательный лад.

– Это еще цветочки, видела бы ты нашего друга-археолога в гневе: это тореадор и бык в одном лице! – ответил ей Смолев на языке Сервантеса и, перейдя на английский, добавил: – В таком случае присоединяйтесь к нам, Лили! Уверен, что мы прекрасно проведем время. Можем прогуляться по набережной, дойти до Портары, а потом вернуться в таверну. Или вы все-таки хотите навестить Джеймса в замке?

– О, Алекс! Я так была рада по дороге встретить Стефанию и узнать, что и вы здесь! Какая удача! Алекс, мне ужасно не хочется идти в этот замок одной, не знаю почему. Он отчего-то

⁶ (Кастро – замок, построенный венецианцами в XIII веке во главе с Марко Санудо, осевшими на Наксосе по возвращении из IV Крестового похода после взятия и разграбления Константинополя, расположен на вершине холма столицы Наксоса, Хоры – прим. автора)

наводит на меня тоску и даже среди белого дня. Иногда до мурашек! Б-р-р-р-р-р! Словно там водятся привидения! Но мне просто необходимо поговорить с мужем по поводу школы для Кристины. Мы вторую неделю откладываем разговор. Пойдемте вместе, а? Стефания?

– С удовольствием, Лили! – весело откликнулась молодая испанка. – Я еще ни разу не была в старом венецианском замке. А если там и вправду есть привидения – это вдвойне интересно, никогда не видела привидений! В Кастро, в Кастро! И прямо сейчас, покупки подождут!

Смолев молча поклонился, галантно предложил Лили правую руку, и трое друзей, смеясь и негромко переговариваясь, неспешным размеренным шагом направились от набережной в сторону старой венецианской крепости.

Построенная в начале тринадцатого века крепость, с мощными бастионами и башнями из светлого песчаника, венчала холм, сбегавший амфитеатром к бухте и усыпанный большим количеством белоснежных домиков: частных резиденций, небольших вилл и гостиниц. От набережной до Кастро, где на территории древнего форта помимо археологического музея расположились еще и музей венецианского быта с винными погребками баронов Делла Рокка, и бывшая школа урсулинок, и Кафедральный собор в романском стиле, было всего несколько минут пешком.

Спустя пару часов на набережной остановилась запыленная полицейская машина, с переднего пассажирского сидения которой неловко выбрался утомленный мужчина, на вид лет сорока, в сером мешковатом костюме и белой сорочке с потемневшим от пыли и пота воротником. Устало обмахиваясь большого размера носовым платком, приехавший, словно ища кого-то, быстро оглядел набережную. Посетителям ближайшего кафе было видно, как он, не обнаружив цели своих поисков, обессилено оперся на капот авто, и разочарованно пытаясь сперва вытереть платком взмокший затылок, а затем набрал номер на мобильном телефоне.

Стоявшие рядом с ним два полицейских сержанта неловко переминались с ноги на ногу, словно в ожидании указаний. Вскоре указания последовали. Видимо, отчаявшись дозвониться по нужному номеру, мужчина что-то скомандовал сержантам, и те, быстро развернувшись на месте, разделались и спешно отправились по прибрежным кафе и тавернам, прочесывая заведение за заведением, выбегая время от времени на набережную и издали разводя руками, словно докладывая начальнику таким образом о тщетности своих поисков.

Тяжело вздыхая, мужчина дошел до ближайшего столика первого же попавшегося кафе и, кисло улыбнувшись в ответ на доброжелательное приветствие узнавшего его официанта, заказал кружку черного кофе. Получив заказ, он сделал пару глотков и устало откинулся на стуле. По всему было видно, что старший инспектор уголовной полиции Наксоса Теодорос Антонидис находится в растерянности и замешательстве, близком к отчаянию.

Часть первая

Вахмистр спросил:

– Скажите, почему у вас ничего, решительно ничего нет?

Я. Гашек, «Похождения бравого солдата Швейка».

Эта загадочная история началась ранним утром того же дня, когда тревожный звонок сержанта Дусманиса с места происшествия застал начальника уголовной полиции за дружеским завтраком на вилле «Афродита». Наскоро покончив с рисовой кашей, оставив кружку с недопитым кофе и неловко извинившись перед гостеприимным хозяином, старший инспектор сбежал по ступенькам к ожидавшей на улице Апиранто полицейской машине.

Привычно усевшись на переднее пассажирское сиденье потрепанного служебного «Фольксвагена Поло» с мигалкой на крыше и обмахиваясь большим платком, словно веером, Теодорос Антонидис всю дорогу до замка Базеос размышлял о том, что Провидение наконец-то шлет ему возможность применить на практике свой талант детектива. До деревушки Сангри, рядом с которой находился замок, было двенадцать километров. Водитель вел машину быстро, плавно проходя виражи и повороты трассы. Так же стремительно и плавно текли мысли старшего инспектора.

Долгожданная удача! Прекрасный шанс и для него самого, и для афинского руководства наконец-то оценить по достоинству аналитические и дедуктивные способности начальника уголовной полиции Наксоса! Скоро он станет семейным человеком, и справедливая награда за блестяще проведенное расследование не будет лишней. Не говоря уже о том, что заслуженный успех позволит ему укрепить свой авторитет и в глазах подчиненных, и жителей острова.

Переполюнявленный чувствами, Антонидис издал радостный возглас и нетерпеливо потер руки, вызвав удивленный взгляд водителя, отчего несколько смутился, достал свежий платок, вытер им лицо и дал себе слово, что впредь будет вести себя сдержаннее.

Теодорос Антонидис не был чрезмерно тщеславным человеком, отнюдь. Просто иногда ему казалось, что судьба – в профессиональном плане – могла бы быть иногда к нему чуть более благосклонна.

И когда машина, закрипев тормозами, уже остановилась, съехав с асфальта на обочину у пункта назначения, а поднятые ею белесые клубы дорожной пыли медленно оседали вокруг, он все еще сидел, погруженный в свои мысли, прокручивая в голове утвержденный Департаментом полиции порядок проведения следственных действий, предвкушая предстоящую работу и неминуемый блестящий результат.

Через минуту он вышел из машины и обнаружил своего сержанта, нетерпеливо переминавшегося с ноги на ногу у входа на территорию замка. Поприветствовав его кивком, Антонидис отметил, что подчиненный бледен и взволнован. «Дело, похоже, серьезное!» – снова обрадовался глава уголовной полиции.

– Докладывайте, сержант, – бодро произнес полицейский, осматриваясь вокруг. – Что стряслось на этот раз?

– Вот, прошу, господин старший инспектор, – несколько растерянно произнес Дусманис, привычно уступая дорогу своему начальнику и пропуская его первым во двор замка Базеос. – Взгляните сами! Уж не знаю, что и думать...

Старинный каменный форт с огороженным внутренним двором на небольшом холме у проселочной дороги – мощное, но довольно нелепое, как показалось старшему инспектору, сооружение прямоугольной формы из желтого песчаника – выглядел торжественно и монументально в лучах восходящего солнца.

На внутреннем фасаде в хаотичном порядке были разбросаны окна и ниши разных форм и размеров – явный признак того, что древнее здание за свою долгую историю неоднократно перестраивалось и обновлялось, и его многочисленные строители при этом не придерживались хоть сколько-нибудь единого архитектурного проекта, жертвуя внешней красотой и элементарной симметрией в угоду простоте и комфорту.

Вокруг самого форта были расположены еще несколько одноэтажных построек с круглой крышей из более темного камня, того же материала, что и стены двора, видимо, выстроенные в одно с ними время, – то ли хранилища, то ли бывшие кельи монахов. Между ними и стеной форта пышной кроной шелестел старый платан.

Когда-то, на стыке шестнадцатого и семнадцатого веков, это была просто сторожевая башня венецианского гарнизона, охранявшего остров, затем, после расширения и возведения дополнительных построек на целых двести с лишним лет здесь возникла христианская монашеская обитель. Монастырь носил гордое имя «Животворящего Креста Господня», – крошечная двухнефная звонница на два колокола до сих пор сохранилась над фасадом главного здания, – пока однажды и монахи по какой-то причине не покинули обитель навсегда.

В девятнадцатом веке здание было выкуплено семьей Базеос. Потомки семьи владеют замком и по сей день, восстанавливая и реставрируя бывший форт-монастырь и его интерьеры в венецианском стиле. На рубеже двадцать первого века владелец решил открыть замок для туристов.

Эту краткую справку старший инспектор почерпнул из рекламного буклета Фестиваля по дороге. К стыду своему, за два года проживания на Наксосе Антонидис ни разу не посетил эту достопримечательность. «Что же, придется все изучать с самого начала и как следует!» – подумал он. – «Пора приступать к делу!»

– Где это произошло? Где тело? Кто его обнаружил? – на ходу поинтересовался начальник уголовной полиции острова, продолжая рассматривать замок во все глаза.

– Тело на месте. В смысле, на том месте, где его нашли, господин старший инспектор! Смотритель, который обнаружил тело, тоже. Вернее, он у себя в кабинете, ждет вызова. Вы сами сможете убедиться! Сплошная мистика! – отчего-то вдруг перешел на взволнованный свистящий шепот сержант. – Просто в голове не укладывается! Я позвонил вам сразу же, как только узнал. Такого дела у нас еще не было! А какая гримаса у него на лице! Аж мурашки по телу!.. Будто он самого дьявола увидел!

В ответ на замечание сержанта Антонидис пробурчал себе под нос что-то неразборчивое, что с одинаковым успехом можно было бы принять и за критику, и за предложение продолжить доклад, покачал головой и быстро прошел в калитку мимо широко распахнутой двери, сваренной из массивных металлических прутьев. Эта дверь вела во двор, выложенный потрескавшимися от времени каменными плитами, сквозь широкие щели в которых, слева от входа, вдоль стены уже давно проросли раскидистые оливы.

Сержант Дусманис не разобрал слов начальника, но решил, что долг превыше всего. Поэтому, войдя во двор сразу за ним, указал на расprostертое на плитах двора тело, накрытое белой простыней, и произнес окрепшим голосом уже более официально:

– Тело неизвестного мужчины найдено сегодня посередине двора в шесть часов утра местным смотрителем. Точнее сказать, без пяти минут шесть. Тело никто не перемещал. Судя по повреждениям, – серьезные травмы и переломы, несовместимые с жизнью, – и он снова перешел на более доверительный тон. – Такие обычно бывают, когда человек падает с высоты... Помните, господин старший инспектор, почти два года назад несчастный случай в Хоре? Строитель упал во время реставрации храмового купола? Вот так же выглядел. Не считая лица, конечно... Но там-то все было понятно, а здесь – пойдди, разберись! Кто он, откуда – совершенно неизвестно. При себе у него не обнаружено никаких документов. Я лично его обыскал,

пришлось перевернуть его, – так-то он лежал ничком, лицом вниз, – а потом накрыл. Простыню позаимствовал у зрителя.

– Совсем никаких документов? – удивленно уточнил, присев рядом с телом на корточки начальник уголовной полиции, осторожно приподняв двумя пальцами уголок простыни и внимательно изучая лицо убитого и его одежду. На лице трупа – молодого мужчины лет двадцати семи – тридцати и в самом деле застыло выражение животного ужаса и нестерпимой боли. Смотреть ему в лицо было очень неприятно. Эта гримаса одновременно отталкивала и притягивала взгляд. Несмотря на теплое утро, старший инспектор поежился и передернул плечами. «В самом деле, кошмар какой-то!» – подумал он, но при подчиненном не произнес этого вслух.

«Брюнет, волосы черные, вьющиеся, лицо смуглое, глаза карие, – мысленно проговаривал про себя Антонидис. – Рост, пожалуй, метр семьдесят – метр семьдесят пять... Никогда его раньше на острове не видел. Похоже, это не местный. Больше похож на итальянца. Необходимо, чтобы в больнице сделали снимки для опознания! Впрочем, лучше я сделаю это сам! Странно, что крови немного, даже можно сказать, что почти совсем нет...»

– Что, вообще ничего? Совершенно? – выйдя из задумчивости, снова обратился он к Дусманису.

– Совершенно. Ни единой бумажки, ни телефона, ни денег, – ничего! Ни единого намека! – отрицательно покачал головой сержант, почтительно стоя за спиной своего начальника, пока тот рассматривал таинственного мертвеца, и стараясь не смотреть на лицо погибшего. – Главная странность заключается в том, господин старший инспектор, что зритель замка, по его словам, проходил через двор в половине шестого утра – тела не было! А без пяти минут шесть, когда он шел обратно, – оно вдруг появилось! Слово ниоткуда, будто упало с неба! И ни звука, ни крика, – ничего! Я же говорю: мистика!

Антонидис непроизвольно поднял голову и взглянул вверх: над их головами голубело бескрайнее, чистое и ясное небо Киклад. В этой безмерной глубине черной точкой на неведомой высоте, замыкая очередной огромный круг, парил орел. Старший инспектор сощурился, прикрыв глаза от яркого солнца, снова покачал головой и укоризненно взглянул из-под ладони на своего сержанта.

– Опять? Давайте обойдемся без этих нелепых фантазий, Дусманис. Что еще за мистика?! Как вам не стыдно? Что за чепуха сегодня вам приходит в голову? Вы же полицейский! Факты, только факты, – он достал из кармана пиджака платок и раздраженно вытер взмокший затылок. – Возможные свидетели? Вы уже всех опросили?

– Но кого? – недоуменно развел руками сержант. – Ведь двор был закрыт, и в замке, со слов зрителя, в это время никого не было. Он мне и позвонил, а я уже вам... Получается, что зритель – единственный свидетель. Он здесь и ждет вас, я запретил ему покидать территорию.

– Кстати, вы обратили внимание на то, как странно он одет? – тут начальник уголовной полиции снова приподнял простыню уже за другой край и кивнул на пропыленный строительный комбинезон мертвеца. – Такое ощущение, словно он тоже работал или на стройке, или в карьере. Посмотрите, как протерт и испачкан его комбинезон, словно он его месяц не снимал. Колени вон до дыр протерты. Явно не турист... И почему он босиком? Еще одна странность... Судя по подошвам его ног, он не имел привычки ходить босиком: подошвы ног чистые, не сбитые, ни мозолей, ни натертостей... Этот человек всю свою жизнь проходил в обуви, и в отличной обуви. Вот что, Дусманис, осмотрите тут все еще раз и крайне тщательно. К вам в помощь скоро придут эксперты. И вот еще что... Обратимся за помощью в портовую полицию, пусть пришлют кинолога с собакой. Обыщите вместе окрестности и найдите мне его обувь, не босиком же он сюда пришел?

– Слушаюсь, господин старший инспектор!

Антонидис, склонившись над телом, внимательно осмотрел руки погибшего. Никаких признаков профессиональной деятельности: ни мозолей, ни порезов, ни ожогов. «Чистые руки, – отметил он про себя. – Даже холёные. Отличный маникюр. У меня такого не было уже много лет... Никаких следов ручного труда. Что за маскарад тогда с костюмом? Чей это комбинезон, где он его взял?» Старший инспектор невесело вздохнул: не успев начаться, дело стремительно запутывалось. Он какое-то время задумчиво смотрел на лежащее перед ним безжизненное тело, потом достал очередной чистый платок из кармана пиджака и промокнул лоб: солнце начинало ощутимо припекать.

– Вот что, сержант, – продолжил он рассуждать вслух. – Необходимо выяснить следующее: в замке Базеос или поблизости ведутся какие-либо строительные или реставрационные работы? Очень похоже, что спецодежда у него чужая, выдали на короткое время. Это может быть кто-то из технического персонала, обслуживающего спектакль. Возможно, приезжий. И еще, насколько мне известно, именно сегодня вечером должно быть большое представление.

– Совершенно верно!

– Боюсь, что представление придется отменить. Место преступления, все-таки. Поставьте ограждения, натяните ленту, вход ограничьте, чтобы никаких посторонних! Будут прорываться – грозите задержанием на месте и административным арестом на трое суток! Необходимо понять, что связывает убитого с замком, что он здесь делал? Понимаете? Найдите ответственного за постановку спектакля, я хочу с ним пообщаться. Но первым делом пришлите мне сюда зрителя.

– Понял, господин старший инспектор! – с готовностью откликнулся сержант. – Я вызвал парамедиков, чтобы зафиксировать смерть, а потом уже отправить тело на вскрытие после того как вы его осмотрите. Они будут с минуты на минуту. Общие фото с места преступления я сделал, но, боюсь, они мало помогут. Также в проект протокола мною внесены и все замеры: расстояния от тела до стен и до главного здания. Хотя, к слову сказать, тело настолько далеко от них, что упасть с высоты и оказаться на середине двора он не мог никак. Не по воздуху же он летел! И нам потребуется фото для опознания, но фотографировать его в таком виде, сейчас... Я не решился, господин старший инспектор... Кто же опознает такой ужас?

Антонидис уже поднялся на ноги и задумчиво отряхнул руки. «Пожалуй, он прав, отложим фото для опознания до больницы. Впрочем, я так и собирался».

– Не теряйте времени, сержант. Я сам распоряжусь насчет вскрытия и переговорю с патологоанатомом. С фото тоже разберусь лично. Проект протокола попрошу мне на стол еще до обеда.

– Так точно, господин старший инспектор, – вытянулся Дусманис. – Разрешите исполнять?

– Действуйте, сержант, – кивнул старший инспектор, провожая подчиненного задумчивым взглядом.

Антонидис успел переговорить по телефону с патологоанатомом и договориться с капитаном Зервасом из портовой полиции насчет кинологов, прежде чем услышал у себя за спиной негромкое вежливое покашливание и обернулся.

Смотрителем замка Базеос оказался грек лет шестидесяти, невысокого роста, худошавый, если не сказать тощий, в темных брюках и толстом вязаном свитере с нашитыми кожаными налокотниками, протертыми от времени. Худое и вытянутое лицо, покрытое сеткой старческих склеротических жилок, было бледным, словно его владелец почти никогда не покидал толстых стен замка, куда не было доступа солнечным лучам. Через линзы очков в старомодной круглой оправе на старшего инспектора встревоженно смотрели неестественно огромные и, словно выцветшие от времени, голубые глаза с покрасневшими веками.

– Йоргос Дионисиади, – подойдя ближе, негромко представился мужчина с легким поклоном, – смотритель замка Базеос. Какое несчастье! И это именно в тот день, на который назначен спектакль! Неужели теперь все сорвется? Главное событие сезона... Какое несчастье!

– Теодорос Антонидис, старший инспектор уголовной полиции Наксоса, – в свою очередь вернул поклон полицейский. – Да, боюсь, что спектакль придется перенести на другую дату: сегодня здесь будет работать полиция. Я сам пообщаюсь с режиссером-постановщиком. Но об этом позже. Господин Дионисиади, давайте по порядку. Как давно вы служите здесь смотрителем?

– Больше тридцати лет, в декабре будет ровно тридцать три года.

– Кто еще работает на территории замка? Кто здесь бывает регулярно? Постарайтесь, пожалуйста, вспомнить всех.

– Так сразу, наверно, не получится... Есть представители владельца, это семья Базеос, как вы, наверно, знаете. Замечательные люди! Они приезжают с материка регулярно, как минимум, раз в месяц. Есть группа ученых-исследователей, которые занимаются реставрационными и восстановительными работами, есть непосредственно художники-реставраторы, есть декоратор... В конце концов, есть электрик, сантехник, плотник, он же столяр... Дочка моя бывает у меня в гостях, но очень редко, к сожалению... Господи, да кто же еще? Женщина привозит молоко и творог по вторникам. Ах, да, почтальон! Все они приезжают сюда в будние дни, кто из Хоры, а кто из соседних деревень. Постоянно здесь нахожусь только я. Служу безвылазно кем-то вроде сторожа и старого книжного червя. Вам нужно пофамильно? Если необходимо, я готов предоставить вам список. Но этот бедный мальчик... Он мне совершенно не знаком.

– Ясно. Если это вас не затруднит, это бы очень помогло следствию, – важно кивнул головой старший инспектор, внимательно выслушав собеседника. – Список можете передать моим подчиненным, они какое-то время здесь еще поработают. Вернемся к вам. За те тридцать с лишним лет, что вы здесь служите, подобное происходило? На территории замка были несчастные случаи? Кто-нибудь умирал? Так же внезапно?

– Что вы! Нет, никогда. При мне никогда ничего не случилось. Это же историческое здание, музей! У нас экспозиция венецианского быта, картинная галерея, ежегодные фестивали искусств... К нам, в большинстве своем, ходят образованные, интеллигентные люди! То, что произошло, просто какая-то дикость, я до сих пор не могу прийти в себя.

– Хорошо, – кивнул старший инспектор. – Давайте попытаемся восстановить ваше сегодняшнее утро в мельчайших деталях.

В этот момент во дворе форта-музея появились парамедики, их встретил сержант Дусманис. Санитары, переговариваясь вполголоса, уложили труп в черный пластиковый мешок, погрузили на носилки и вынесли за ворота, пока врач оформлял свидетельство о смерти. На том месте, где лежало тело, остался обведенный белым мелом контур.

– Может быть, нам удобнее будет переговорить в моем рабочем кабинете? – предложил Дионисиади, избегая смотреть в ту сторону. – Прошу вас, господин старший инспектор, пройдемте внутрь, там значительно прохладнее, – добавил он, заметив регулярные манипуляции старшего инспектора с носовым платком.

Антонидис несколько смущенно поблагодарил внимательного зрителя, и они вдвоем, поднявшись по каменным ступенькам овальной формы, прошли внутрь здания.

Смотритель шел впереди, открывая и придерживая за собой тяжелые деревянные двери.

– Прошу направо! – вскоре пригласил он, толкнув на этот раз низенькую дверцу в небольшое помещение со сводчатым потолком и белеными стенами, которое скорее можно было назвать кельей, где и был оборудован его кабинет.

Две стены небольшой комнатки, площадь которой едва ли превышала двенадцать квадратных метров, были заняты шкафами с книгами. Окна в комнате не было. Вместо него

на стене висели фотообои с видом на замок Базеос в лучах заходящего солнца. Багровые отблески заката придавали стенам старого форта несколько зловещий вид.

Напротив двери, в дальнем углу, стоял большой письменный стол, заваленный бумагами. Шкафы, стол, два стула – вот, собственно, и все убранство кабинета смотрителя. Еще журнальный столик, на котором стоял электрический чайник и поднос с посудой.

«Не густо!» – подумал Антонидис, оглядевшись. – «По крайней мере, действительно прохладней. И намного. Неудивительно, что он в теплом свитере. Если сидеть здесь часами, – так и простудиться недолго. Горячего кофе бы сейчас в самый раз!»

– Прошу вас, присаживайтесь, – предложил хозяин кабинета, словно услышав его мысли. – Я сейчас поставлю воду для кофе.

Он долил в чайник воды из кувшина, стоявшего на подносе, и щелкнул выключателем. Чайник негромко зашумел.

– Благодарю вас, – кивнул Антонидис, плотно усаживаясь на деревянный скрипучий стул. – Итак, вернемся к вашему сегодняшнему утру. Расскажите, пожалуйста, все по порядку.

Смотритель присел на краешек другого стула, рядом с чайником. Выслушав полицейского, он кивнул и несколько растерянно развел руками.

– Собственно, и рассказывать-то особо нечего. Я уже все рассказал вашему коллеге... Понимаете, я сплю мало, ложусь поздно, просыпаюсь на рассвете. Какой сон у стариков? Одно название! – Дионисиади снял очки и, подслеповато щурясь, стал их протирать белой бумажной салфеткой. Лицо его приняло усталое и беспомощное выражение, на переносице ясно отпечатался красный след от металлической дужки. Руки смотрителя подрагивали. – Вот и вчера допоздна работал с документами: готовил отчет о работе исследовательской группы, что трудилась у нас в замке с весны. Собирал материалы, систематизировал, подшивал, вставлял описания, нумеровал иллюстрации. Вот за этим самым столом... Я, видите ли, по образованию историк, специалист по Латинской Империи... Впрочем, вам это, наверно, не очень интересно, – добавил он, вернув очки на переносицу и взглянув на внимательно слушавшего его полицейского. – Так вот, лег спать, когда было уже больше часа ночи. Это в соседнем помещении, за стеной. Там у меня старый диван и небольшой электрокамин, ночами бывает совсем промозгло... Проснулся, как всегда, в пять утра. Умылся, заварил кофе. В половине шестого вышел подышать воздухом. Эту привычку я приобрел давно, еще когда у меня была собака... Прибилась, знаете, беспородная такая, старая, как и я. Сначала я думал, что будет в тягость, а потом даже обрадовался. Все не так одиноко! В замок ее правда не пускал, сколотил ей будку за пределами двора. Пять лет будет, как умерла, а привычка утренних прогулок у меня осталась. Я обхожу замок вокруг, проверяю, все ли в порядке. Хотя, что с ним может случиться! Иногда прогуливаюсь по ближайшим окрестностям, разминаю старые косточки... Я гуляю около двадцати минут, потом завтракаю и снова за работу.

Чайник, шумно булькая, вскипел и, щелкнув, отключился. Старик вздохнул, встал и начал возиться с кофе.

– Что было дальше? – украдкой взглянув на часы, задал вопрос старший инспектор.

– Дальше? – вполборота повернувшись к нему, повторил смотритель, раскладывая кофе по стаканам. – Вы простите, у меня только растворимый, вам сколько ложечек? Две? Три? Замечательно. Вот, прошу! Сахар кладите по вкусу!

Дионисиади вручил Антонидису его кружку с дымящимся напитком, поставил перед ним на стол белую керамическую плошку с отколотой ручкой, которая была до половины наполнена желтоватыми кусочками колотого виноградного сахара. Старший инспектор поискал глазами – щипчиков не было, тогда он аккуратно пальцами взял два небольших шероховатых на ощупь кристалла, опустил их в кружку и тщательно размешал, стараясь не звенеть ложечкой.

Усевшись на стул с кружкой в руках, смотритель сделал несколько дробных глотков, словно боясь обжечься, дернув острым кадыком на морщинистой шее, и произнес:

– Дальше было просто ужасно. Я возвращался в главное здание, вошел с дороги во двор. Я не сразу его увидел, проклятая близорукость! Зрение стало подводить: пришлось много работать с книгами и старыми записями... Я практически прошел мимо, погруженный в свои мысли. Заметил его только в самый последний момент. Я... Я был совершенно к этому не готов, понимаете? Совершенно! Растерялся, как ребенок. Правда, посмотрел на часы, – было без пяти минут шесть, – почему-то решил, что это будет важно.

– Безусловно, очень важно, – кивком подбодрил его полицейский. – Продолжайте! Что было дальше?

– Дальше я вбежал в кабинет, взял вот в этом телефонном справочнике, – старик ткнул пальцем в небольшой томик желтых страниц, на обложке которого значилось «Телефонный справочник Кикладских островов», лежащий на столе, – номер полицейского участка и позвонил. Ваш сержант снял трубку. Как мог, я объяснил ему в чем суть, он приказал оставаться на месте до его приезда и дальнейших указаний полиции. Вот, собственно, и все.

Какое-то время они оба молчали. Старший инспектор пил кофе, мучительно пытаюсь понять, что именно ему не нравится в рассказе зрителя. Допив, он поставил кружку на стол.

– Другими словами, Дионисиади, вы ничего не видели и не слышали?

– Нет, – помотал головой старик. – Увы.

– Сколько времени вы отсутствовали во дворе? Прогуливались, как вы говорите, по окрестностям?

– Минут двадцать, двадцать пять, – развел руками зритель. – Точнее мне сложно сказать. Сегодня был очень красивый восход солнца, я немного задержался на холме. У нас здесь рядом есть две полуразрушенные ветряные мельницы, одна сохранилась гораздо лучше второй. Иногда я хожу до них и обратно. Вот и сегодня, я дошел до той, что лучше всего сохранилась и вернулся.

– Как далеко она находится?

– Мне сложно точно определить расстояние, – помялся зритель, – возможно, около ста метров. Или чуть больше.

– Впрочем, это нетрудно выяснить... Сколько вы там пробыли?

– Не больше десяти минут, полюбовался восходом солнца и отправился обратно в замок.

– Видели кого-нибудь по дороге?

– Не видел.

– Заметили ли что-нибудь необычное?

– Нет, ничего.

– Проезжала ли какая-нибудь машина рядом с замком? Возможно, вы заметили номера?

– Это с моим-то зрением, господин старший инспектор? – невесело усмехнулся Дионисиади, покачав головой. – Бог с вами! Я же говорю вам, я едва не прошел мимо покойника. Где мне различить номера на машине!

– Хорошо, – несколько разочарованно буркнул себе под нос Антонидис. – Теперь о покойнике. Вы заявили, что никогда ранее его не видели?

– Не совсем так, я сказал, что он мне совершенно не знаком.

– А в чем разница?

– У вас хорошее зрение, старший инспектор? Если бы вы были полуслепы, как я, вы бы поняли, что я имею в виду! Я мог его видеть среди других посетителей или работников, видеть и не узнать. Все лица для меня сливаются, пока я не начинаю общаться с человеком на очень близком расстоянии, практически вплотную. Но тогда я запоминаю лица очень хорошо, у меня фотографическая память.

– Понимаю, понимаю, – вздохнул Антонидис, доставая из кармана записную книжку и наскоро делая в ней пометки. – Значит, вы его не знаете.

– Боюсь, я не слишком вам помог, господин старший инспектор? – произнес историк, с некоторой тревогой наблюдая за его действиями.

– Пока сложно сказать, да и рано делать выводы... Скажите, значит восход вы встретили на холме? Вы любовались им минут десять, после чего направились в замок? Я правильно понимаю?

– Совершенно верно. Я так и сказал.

– Да, да, – старший инспектор продолжал делать пометки. Смотритель нервничал все больше. – Сколько времени прошло между тем, как вы обнаружили тело, и тем, как вы позвонили в полицию?

– Я не засекал время, поймите меня правильно, я был в совершенно подавленном состоянии. Мне даже пришлось выпить лекарство. А потом еще найти телефон полицейского участка в справочнике. Возможно, еще минут десять.

– Хорошо. Пусть будет еще десять. Ваш звонок на пульт полицейского участка поступил ровно в шесть часов двадцать две минуты утра. Если вам несложно, давайте сверим наши часы. Снимите, пожалуйста, положите на стол. Спасибо! Так, я вижу, что ваш хронометр чуть спешит. На полторы минуты.

– И что это значит? – несколько отстраненно произнес старый историк. Его руки начала бить мелкая дрожь, заметив это, он сунул их в карманы.

– Одну минуту, – ответил старший инспектор. – Здесь такие толстые стены, что страничка едва загружается. А, вот, отлично. Я так и думал. По имеющимся данным на официальном сайте погоды, солнце взошло сегодня в шесть часов семнадцать минут. А это значит, господин Дионисиади, что вы никак не могли любоваться его восходом на холме в ста – ста пятидесяти метрах от замка. Если оно взошло в шесть часов семнадцать минут, а в шесть двадцать две вы уже звонили в полицию, то вы тоже никак не могли за пять минут пройти от старой мельницы до форта, обнаружить тело, выпить лекарство, найти номер телефона в справочнике и позвонить в участок. Извините, но не в вашем возрасте передвигаться с такой скоростью, да и с вашими показаниями это никак не совпадает. На это у вас ушло бы вдвое, а то и втрое больше времени. Отсюда вывод: либо вы что-то путаете, либо весь ваш рассказ – вымысел от начала до конца.

Старший инспектор встал и угрожающе покачал головой. Лицо его было суровым.

– Вынужден вас задержать. И вообще, я очень советую вам, господин Дионисиади, – полицейский нацелил указательный палец правой руки в неожиданно посеревшее лицо смотрящего, – хорошенько подумать, прежде чем вы сегодня будете давать у нас в участке письменные показания, которые могут в будущем... Вот черт!

Телефон старшего инспектора уже несколько долгих секунд настойчиво вибрировал от входящего вызова.

– Да! – нетерпеливо бросил он в трубку. – Это я, совершенно верно. Кто? А, режиссер! Скандал? Какой скандал? Что вы такое говорите? Да, это мое решение. Это место... Это... Да дайте же мне уже сказать, черт вас возьми! Это место преступления! И я действую по инструкциям! Ну и что, что билеты проданы, мне кажется, что если объяснить... Да, я готов сам все объяснить хозяевам... При чем здесь телевидение? Когда? Когда?! Вы с ума сошли? Замок Базеос закрыт для посещений моим решением! Да! Для проведения следственных действий по делу об убийстве! Сюда скоро придут кинологи с собаками, обыск может затянуться на несколько часов... Что значит «какого лешего мы хотим найти»? Кто вам дал право... Так! Где вы находитесь? Когда? Отлично, я сейчас выйду.

Старого смотрящего колотила крупная дрожь. Лицо его покрылось капельками пота. Но раздраженный старший инспектор второпях этого не заметил.

– Вы остаетесь здесь, – сказал он старику, прежде чем выйти. – Кабинет не покидать! Я за вами вернусь, и мы продолжим в участке. У нас с вами впереди долгий разговор. Провожать меня не надо, я найду выход.

Не дождавшись ответа, он поспешил на улицу. Яркое солнце больно резануло по глазам. Старший инспектор быстрым шагом пересек двор в направлении выхода. На обочине дороги он увидел несколько припаркованных авто, группу людей, обступивших сержанта Дусманиса и пытающихся ему что-то доказывать на повышенных тонах.

Увидев своего начальника, несколько взмыленный сержант с трудом пробился из кольца окружения ему навстречу.

– Что происходит, Дусманис? – сухо поинтересовался Антонидис, остановившись не доходя десяти метров до них и сознательно игнорируя толпу. – Что за демонстрация?

– Это представители труппы, господин старший инспектор! Я им запретил вход на территорию, как вы и приказали. Пригрозил административным арестом! Но они рвутся! Говорят, что мы не имеем права срывать спектакль. Режиссер будет с минуты на минуту. Говорят, что через час ждут владельцев замка. Ох, и в переделку же мы с вами попали, господин старший инспектор!

– Да, режиссер мне уже звонил, – кивнул Антонидис. – Ничего, с ними мы разберемся. Если будет необходимо, я направлю рапорт в Афины и получу разрешение из Департамента. А с этими буйными... Еще раз объясните им, что любого, кто пересечет полицейскую ленту, мы арестуем за оказание противодействия полиции в расследовании убийства! А потом отправим на материк под конвоем, и пусть ими там занимаются. Две недели. А то и все три. Посидят в общей камере, проветрятся. Понятно?

– Так точно, понятно, господин старший инспектор!

– Меня гораздо больше волнует вопрос, успеем ли мы сегодня до вечера все здесь осмотреть, обыскать и замок, и прочесать окрестности, – задумчиво продолжал старший инспектор, взяв сержанта за локоть и отведя его чуть дальше от рассерженной толпы, ближе к калитке. – Смотритель, судя по всему, морочит нам голову: он знает гораздо больше, чем говорит. Я уверен, он что-то видел, хоть и утверждает, что слеп, как крот. Пока смотритель – единственная наша ниточка, раз других свидетелей у нас нет. Осмотрите с экспертами здесь все, снизу доверху! Особенно проверьте...

Повернувшись, он ткнул было пальцем в сторону главного здания форта и вдруг вскрикнул от неожиданности, увидев знакомую худую фигуру в свитере на крыше замка, у самой звонницы.

– Что он там делает? Я же ему запретил!.. Не может быть! За мной, сержант!

И старший инспектор рванул, что было силы, в сторону форта. Оживленные разговоры на обочине удивленно смолкли.

– Прыгнет, клянусь Святым Фомой, прыгнет! – причитал сержант, не отставая от начальника ни на шаг.

– Не смейте, Диони... Дионисиади, не смейте, я вам за... запрещаю!.. – задыхаясь на бегу и срывая голос, кричал несчастный старший инспектор Антонидис, с запозданием осознав, какую непоправимую глупость он только что совершил, оставив смотрителя одного.

Не успев начаться, дело грозило окончиться катастрофой.

Старый смотритель словно его не слышал. Он снял очки и, моргая и щурясь на солнце, аккуратно положил их на парапет. Потом и сам встал на парапет, помедлил секунду и, закрыв глаза, сделал шаг вперед, в пустоту.

Часть вторая

*Всякий старинный дом имеет свои легенды и своих призраков.
Диана Сеттерфилд, «Тринадцатая сказка».*

Каждый опытный путешественник по Кикладским островам знает, что самый впечатляющий и незабываемый вид на Хору Наксоса – с моря. Именно поэтому все пассажиры паромов, что прибывают ежедневно на остров, толпятся на верхних палубах с фотоаппаратами и видеокамерами в нетерпеливом ожидании задолго до того, как паром зайдет за волнорез в самую бухту и начнет швартоваться к пристани, вспенивая спокойную воду мощными винтами. А туристы, прибывшие на остров впервые, надолго останутся под впечатлением от красоты островной столицы и пейзажа, что открылся их взорам.

С моря видно все: город перед вами – как на ладони. Сразу же за дамбой раскинулась живописная панорама порта с вечно переполненной эспланадой с ее тавернами, кафе и лавками для туристов, за которой начинается обширная сеть узких улочек и перекрытых арками переулков, ведущих через старый город Бургос к внушительной крепости Кастро, венчающей холм, гордо высящийся над бухтой.

Вид на Бурго с моря и островка Палатий.

Немудрено, что гости острова, наскоро оставив свои дорожные сумки и чемоданы в гостиницах и виллах, стремятся в первый же день как можно скорее очутиться в этом лабиринте из белоснежных домиков и узеньких мощеных улочек. Приезжие спешат подняться на холм, чтобы дотронуться рукой до нагретых солнцем каменных стен древней крепости, сохранившихся в первозданном величии и мощи. Той самой крепости, чьи башни и форты до сих пор составляют разительный контраст с белостенными домами припортовой области, словно подавая ясный знак любому недругу, что остров по-прежнему, как и много столетий назад, под ее надежной защитой.

От порта до Кастро при желании можно идти и час, если не торопиться и фотографировать все приглянувшиеся вывески, живописные цветы в кадках, выставленные вдоль домов, горшки с цветами на подоконниках распахнутых окон, узкие мощеные улочки и небольшие кафе. Маленькие семейные таверны, чаще из двух-трех столиков, примостившихся в Т-образном переулке или на небольшой прямоугольной площадке между двумя лестничными пролетами, дразнят прохожих ароматами готовых блюд, доносящихся с кухонь.

Здесь едва смогут рядом пройти два человека, не удержавшись от того, чтобы не заглянуть в тарелки к обедающему и определить по виду и запаху блюдо, которое он ест: нежнейшая ли это запеканка мусака, или долмадес в виноградных листьях с мясным фаршем,

в который обязательно на острове щедро добавляют корицу и лимонный сок, или традиционная похлебка из мидий с белым вином и пряными травами...

Часто путники, пройдя мимо такого кафе, подумав, возвращаются с полдороги и, дождавшись, пока столик освободится, немедленно занимают его, потирая руки в предвкушении и улыбаясь официанту – жизнерадостному и стремительному молодому греку в белоснежной рубашке и отутюженных черных брюках, с понимающим видом ставящему перед ними сразу же на стол кувшинчик с холодным белым вином и блюдечко с оливками.

Но если у вас есть важное дело, то от порта до крепости можно дойти и за пятнадцать минут, а то и еще быстрее, особенно если вам известен кратчайший путь, который не позволит заблудиться в этом каменном лабиринте.

Смолев вел женщин хорошо известным ему маршрутом, и уже через десять минут перед ними открылся вид на крепостные стены, до которых, казалось, было рукой подать. Но компании друзей пришлось еще подняться по нескольким лестничным пролетам, миновать с десятков поворотов, прежде чем перед ними оказался вход в древнюю цитадель.

Оставалось только найти Джеймса. Лили уже собралась было ему звонить, как археолог неожиданно нашел их сам.

– Друзья мои, как я рад вас видеть! Какой приятный сюрприз! – искренне воскликнул англичанин, завидев свою жену в сопровождении Смолева и Стефании Моро. От радости Джеймс рискованно высунулся из окна второго этажа башни музея, опираясь руками на низкий каменный подоконник. – Сюда, сюда! Алекс, Стефани, какими судьбами? Как мило с вашей стороны навестить меня! Отлично, просто отлично! Я так рад! Одну минуту, я немедленно спущусь!

И в самом деле, вскоре почетный директор Археологического музея Наксоса Джеймс Бэрроу показался на ступеньках и направился в их сторону. Он был одет в свой потертый джинсовый «комбинезон для полевых работ», выцветшую на солнце рубашку некогда темно-оливкового цвета и сандалии на босу ногу. Его светлая шевелюра была, как всегда, слегка взлохмачена, широко распахнутые голубые глаза за стеклами круглых очков весело блестели: по всему было видно, что археолог тоже находится в превосходном расположении духа. Похоже, его версия датировки муранского стекла все-таки подтвердилась, догадался Алекс.

Смолев крепко пожал ему руку и посмотрел на англичанина со спокойной доброжелательной улыбкой, а его испанская спутница, поприветствовав Джеймса, с большим интересом оглядывалась по сторонам. Она впервые оказалась в Кастро, и ей было все в диковинку: и мощные стены крепости, и гербы знатных венецианских семейств над дверными проемами, и своды арок, смыкающиеся над головой прохожих, словно потолок пещеры, и высокие башни форта, и виднеющиеся над крышами купола католических соборов. От ворот крепости открывался отличный вид на порт Хоры Наксоса и на раскинувшийся вокруг белым амфитеатром городок. «Интересно, какой вид с балкона этой башни?» – подумала она, переведя взгляд на самую высокую из башен и заметив небольшой балкон на самом ее верху.

Инициативу привычно взяла в свои руки Лили Бэрроу.

– Джеймс, дорогой, это была моя идея. И спасибо Алексу и Стефани, что они ко мне присоединились! Ты же знаешь, на территории Кастро я чувствую себя не в своей тарелке...

– Да, да, да! – несколько раздраженно отмахнулся англичанин. Видимо, эта тема обсуждалась супругами много раз – и к единому мнению они так и не смогли прийти. – Алекс! Стефани! Очень, очень рад! – поздоровавшись, Джеймс взял супругу за локоть и отвел чуть в сторону. – Боже мой, Лили, ради всего святого! Сколько можно? Снова эти нелепые страхи! Ты же жена археолога!.. И не какого-то там, а ученого с тремя докторскими степенями! Как тебе не стыдно? Где бы была наша наука, в самом деле, если бы мы оглядывались на дурацкие, глупые суеверия! Перед людьми неудобно!

– Джеймс, мы с радостью составили компанию Лили, – решила вступить за слегка сконфуженную подругу испанка, – как раз потому, что надеялись услышать от вас легенду о привидениях, которые здесь живут. Я очень люблю такие рассказы! Не разочаровывайте нас, пожалуйста! Неужели в этой древней крепости нет ни одного завалящего привидения, духа или демона? Ни за что не поверю!

– Да уж, Джеймс, выручайте! – улыбаясь, поддержал ее молчавший до этого момента Смолев. – Поведайте нам какую-нибудь захватывающую историю. Вы же знаете, девушки обожают страшные и, в то же время, романтические легенды. Главное, чтобы в конце все хорошо сложилось. А еще лучше, если ваше время позволяет, расскажите-ка нам о крепости. Я здесь бывал раньше, но только в Археологическом музее пару раз. А Стефания вообще впервые.

– О крепости? Другое дело! Отлично! – воскликнул с облегчением Бэрроу, потирая руки. – С огромным удовольствием. Я проведу для вас небольшую вводную экскурсию по Кастро. За один день детально познакомиться с замком невозможно, территория его огромна, но основные моменты я вам расскажу. Думаю, что за пару часов уложимся. Начнем!

Джеймс Бэрроу сделал пару шагов назад и с видом заправского экскурсовода картинно указал правой рукой на ворота крепости, через которые его «экскурсанты» только что прошли.

– Оглянитесь, друзья, мы стоим с вами у входа, который называется «Трани Порта» – «главные ворота» в переводе с греческого. Это северные ворота крепости, они еще называются Аполонас. Теперь посмотрите направо: здесь находится сохранившаяся с давних времен башня Глезос – по имени семьи, которая владела башней, а потом передала ее в дар государству. Очень э-э-э... благородное решение, надо признать... Самая высокая точка Кастро. Полюбуйтесь: какое мощное оборонительное сооружение! Единственная круглая башня крепости. А какой оттуда вид! Она строилась именно с той целью, чтобы сверху можно было вести наблюдение за всей бухтой. Ее обязательно надо посетить и подняться на самый верх, я уверен, вы будете просто поражены видом, что откроется оттуда... Пожалуй, столь же знаменит только находящийся на территории Кастро древний особняк семейства Делла Рокко-Барози. Сегодня в нем расположен музей венецианского быта с меблированными в стиле той эпохи комнатами, коллекцией одежды, домашней утвари и настоящим винным погребом... Очень, очень рекомендую посетить и его!

– Да, наверное, это очень любопытно, – сказала Стефания, заинтересовавшись. – Как вы, Лили? Сходим? Я пробуду на острове еще целую неделю. Мне страх как хочется увидеть, что носили венецианские дамы в средневековье. И на башню тоже хочется забраться.

– Только если вместе! – ответила та, поежившись. – Одна я туда – ни ногой!

– Вам, Алекс, это может быть особенно интересно, – покачав головой в ответ на последнюю фразу жены, но решив не отвлекаться, продолжал археолог. – Винные погреба у них отменные, они регулярно проводят дегустации местных сортов. Что еще стоит посмотреть на территории крепости? О, массу всего! Здесь поблизости, если пройти немного во-он по той улочке и повернуть направо, мы с вами окажемся на площади, где расположены католический собор тринадцатого века, женский монастырь урсулинок семнадцатого века, французская Коммерческая школа в комплексе иезуитского колледжа того же периода, ну и сам Археологический музей Наксоса, где и трудится ваш покорный слуга... Все это стоит посетить и изучить. Но я бы начал с Венецианского музея и его погребов! Главный хранитель, профессор Джузеппе Морозини, – мой друг! Кстати, с хранителем музея я вас могу познакомить уже сегодня! Алекс, вы не против, если я приглашу его к нам на ужин? Он так помог мне с датировкой моей находки, что мне хочется сделать ему приятное!

– Разумеется, Джеймс, буду рад с ним познакомиться, приглашайте! – кивнул Алекс. – Тем более что у нас в таверне сегодня праздник жареного мяса: Петрос устраивает конкурс барбекю. Будут и барашек, и козленок, и даже теленок на вертеле. Соберутся лучшие повара

острова. Вино из долины привезли вчера. Судя по фамилии, он итальянец? Думаю, он будет рад. Так что обязательно приглашайте! Или хотите, я сам приглашу?

– Конкурс барбекю? Отлично, отлично! – растроганно произнес англичанин, на его лице отразилась вся гамма чувств в предвкушении кулинарного праздника. Лили и Стефани переглянулись и прыснули от смеха, прикрывшись ладонями.

Друзья медленно шли по мощеным мостовым крепости, лежащим в глубокой тени – солнцу сюда было очень сложно добраться из-за многочисленных сводчатых арок и перекрытий, соединявших несколько домов в единую причудливую постройку. Археолог вот уже пару минут как молча шел впереди и задумчиво улыбался своим мыслям.

– Дорогой, – напомнила ему Лили. – Ты хотел рассказать нам о Кастро! Самое время продолжить, чтобы не опоздать на ужин! Ты этого не переживешь!

– Да, да... Нет, нет! Ни в коем случае, конечно! – всполошился «экскурсовод». – Где я остановился? Ах, да! И ворота, и башня сохранились с тех самых времен, когда венецианец Марко Санудо захватил несколько крупных островов в Эгейском море, включая Наксос, и, недолго думая, объявил себя герцогом Наксосским! – здесь англичанин сделал небольшую паузу, словно припоминая что-то. – Да, любопытнейшая была фигура, скажу я вам: ни чести, ни совести, а какие амбиции! Герцог Наксосский, ни больше, ни меньше! Но от резиденции самого Санудо, увы, ничего не осталось. Она – башня Санудо – находилась в самом центре Кастро, но до наших времен не сохранилась. На ее месте сейчас установлен обычный простой камень. Вот как бывает: «Ибо прах ты есть и в прах возвратишься»...

– Санудо? Никогда о таком не слышала, – произнесла Стефания, оглядываясь на Смолева, и хотела что-то еще добавить, но тот приложил палец к губам, мол, «не отвлекайся» и взглядом показал на воодушевленного англичанина, продолжавшего рассказ.

– А какой был знатный вельможа! Настоящий венецианский купец. Впрочем, в те времена «венецианский купец» часто означало – и пират, и разбойник! Именно он и построил эту крепость на холме. Для того времени это было чудо фортификационного искусства. Венецианцы были большими мастерами в строительстве сооружений на островах – к тому моменту Венеция была уже мощной морской державой.

– Это случилось сразу после четвертого Крестового похода? – уточнил Алекс, с интересом разглядывая каменную кладку мощных стен башни. – Уже после провозглашения Латинской республики?

– Да, да, именно! – немедленно подтвердил Джеймс, удивленно и с уважением посмотрев на Смолева. – Совершенно верно! Алекс, вы не перестаете меня поражать! Сфера ваших интересов настолько широка... Вы специально изучали этот вопрос? Нет? Обычно об этом знают только специалисты... Именно, как раз после того, как в захваченном и разграбленном Константинополе была провозглашена Латинская республика.

– Подождите, – подала голос Лили. – Я запуталась! Дорогой! Но ведь Константинополь захватили и разграбили турки? И он превратился в Стамбул. Разве нет?

– Турки сделали это спустя двести пятьдесят лет после описываемых событий, дорогая, в тысяча четыреста пятьдесят третьем, – ответил Джеймс. – К тому моменту Константинополь представлял собой город, находящийся в крайней фазе упадка. Это было даже не назвать империей – население пятьдесят тысяч человек, от силы... А первыми византийскую столицу греческого христианского мира – в то время богатейший город Европы – разграбили сами же христиане, рыцари-католики, сражавшиеся под знаменами папы римского. Это были участники четвертого Крестового похода под предводительством великого венецианского дожа Энрико Дандоло. Великий слепец! В том смысле, что последние двадцать лет своей жизни он был слеп совершенно, что не помешало ему стать дожем Венеции и завоевать Константинополь чужими руками. Тоже, кстати, тот еще был персонаж... Умер он в Константинополе, между

прочим, в возрасте девяноста восьми лет и похоронен был в Святой Софии. Сейчас там мечеть, но могильная плита с его именем сохранилась.

– Но как такое было возможно? – поразились Лили. – Как христиане могли разорить Константинополь? Они же собирались воевать с арабами за Гроб Господень? Разве не за Иерусалим они должны были биться? При чем здесь столица Византии?

– Тоже никогда об этом не слышала, – немного растерянно произнесла Стефания, вопрошительно оглянувшись на Смолева. Тот лишь тепло улыбнулся ей в ответ и подмигнул. Лишать Джеймса удовольствия блеснуть познаниями перед девушками он не хотел, хотя историю знал прилично.

– Это тема для отдельного разговора, друзья. Вот уж воистину темная, страшная и кровавая история... Мы можем поговорить об этом сегодня за ужином. А пока я продолжу рассказ о крепости, – предложил Джеймс.

Возражений не последовало.

Друзья вышли на небольшую площадь, на которой стоял католический собор тринадцатого века. Площадь была залита солнцем. Компания подошла к каменной скамье рядом с собором, и девушки немедленно уселись на нее: уставшие ноги давали о себе знать.

– Итак, когда крепость была построена, она имела пятиугольную форму с семью оборонительными башнями и тремя главными воротами, через которые можно было попасть внутрь, – проговорил Джеймс, для пушей убедительности и наглядности размахивая руками. – Но для врага это было крайне непросто. Высота холма – более тридцати метров над уровнем моря, а толщина стен и сегодня говорит сама за себя. Что было внутри? Как и сейчас – небольшой средневековый город: дома знати, ремесленников, купцов, церкви, военный гарнизон. Почти триста строений! Посмотрите, по материалу крепость разительно отличается от городских построек. Видите, светлые пятна в ее кладке? Это мраморные блоки, которые использовались при строительстве – остатки древних строений на острове, в том числе и разрушенного храма Аполлона, – англичанин развел руками. – Такова была в те времена сложившаяся практика строителей во всем мире – одни древние здания разрушались, а из их материала возводились новые.

– Еще раз, когда это произошло? – поинтересовалась Стефания, лукаво поглядывая на «экскурсовода».

– Как? Я не сказал дату? Проклятая рассеянность! – расстроено чертыхнулся Джеймс, снова вызвав улыбки у присутствующих. – Похоже, экскурсовод из меня так себе... Самое начало тринадцатого века. Возводить эту крепость по приказу Марко Санудо начали в тысяча двести седьмом году... Да, друзья мои, очень давно, более восьмисот лет назад!

– Ого! – воскликнула неугомонная испанка. – Восемьсот лет! И вы хотите сказать, что за восемьсот лет здесь не поселилось ни одного завалящего призрака? Ни одного привидения? Не поверю, Джеймс, ни за что!

– Вот и я о том же, – встав со скамьи, проворчала Лили, крепко обнимая мужа за талию и прикивая к его плечу, отчего тот совершенно растаял. – Второй год до него достучаться не могу! Не верит – и все тут! Мне здесь среди бела дня даже в жару зябко находиться, как будто кто-то смотрит. А ночью я даже и представить себе боюсь! Так что здесь явно что-то нечисто!

– Ну хорошо, хорошо, – поднял руки ладонями вверх, словно сдаваясь, археолог. – Будет вам история, леденящая душу. Смотрите, не пожалейте! Сами напросились!

Часть третья

*Прежде всего мы, призвав имя Христа,
должны вооруженной рукой завоевать город.
Из договора между Венецией и крестоносцами.*

Весна тысяча двести четвертого года от Рождества Христова выдалась ранней. Против обыкновения, дождей почти не было. Даже морские ветра, что обычно несут с Босфора плотные мглистые туманы и щедро увлажняют бухту Золотого Рога, выпадая обильными росами, в этом году припозднились на несколько недель, и эта задержка сыграла свою роковую роль. Пожар, бушевавший в захваченном городе уже несколько дней, превратил столицу Империи ромеев⁷ в крошечный ад и смертельную ловушку для всех, кто еще не успел ее покинуть. Городские кварталы столицы пылали, как сухостой, подоженный молнией в самый жаркий месяц греческого лета. И никому не было спасения!..

«За грехи наши тяжкие Бог отвернул светлый лик от града своего,» – в глухом отчаянии, стиснув зубы, думал старый монах в прогоревшем насквозь рубище, едва прикрывающем его наготу. Седая борода грека была сильно опалена, брови и ресницы обгорели почти полностью, отчего кажущиеся совершенно круглыми черные глаза на закопченном лице смотрели на мир еще пронзительней. Некогда мокрая повязка из плотной ткани, обмотанная от огня вокруг чела на манер чалмы, едко тлела, руки со следами ожогов и копоты, крепко прижимающие к груди несколько тяжелых фолиантов в кожаных переплетах, дрожали от напряжения.

С трудом выбравшись из-под завалов обрушившегося здания сгоревшей храмовой библиотеки, – слава Всевышнему, старая кирпичная кладка ворот устояла! – семидесятилетний хранитель реликвария⁸ и библиотекарь Храма Святых Апостолов, еле передвигая ноги, медленно взбирался на холм среди царивших на улицах шума и суматохи, и за четверть часа по узкой тропке добрался до церковной стены. Здесь, в каменной кладке южного придела храма, скрытая выющимся плющом едва виднелась потайная дверца. Не дойдя до нее с десятков шагов, обессилев, старик оперся спиной о стену и, закашлявшись, поднял слезящиеся от дыма и копоты глаза. Древний храм стоял на холме. Отсюда город был как на ладони.

С высоты холма сквозь чающую дымную завесу монах видел, как жители, с криками мечущиеся в горестном страхе по улицам, осознав тщетность своих усилий, отчаялись остановить полыхающий огонь. К концу третьего дня пожар все еще продолжал безумствовать, большая часть Константинополя уже лежала в дымящихся руинах, и всем было ясно, что это конец: спасти город было невозможно... Громкий треск тысяч пылающих домов и сотен церквей, пожираемых яростным пламенем, ни разу не ослабевшим за трое суток, время от времени заглушал адский шум: то и дело рушились прогоревшие перекрытия зданий, и массивные черепичные крыши или купола храмов с тяжелым грохотом и снопом искр падали на землю, сопровождаемые людскими криками, наполненными ужасом и болью.

Лицо монаха напряглось: судорога глубокого душевного страдания перекосила его. Медленные старческие слезы текли на усы и опаленную бороду, и сухие губы шептали по-гречески: «Сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их!..»⁹

⁷ (жители Константинополя называли себя римлянами – по-гречески «ромеями», а свою державу – «Римской („Ромейской“) империей». На среднегреческом языке – Βασιλεία Ῥωμαίων, Василия Ромбон или кратко: Ῥωμανία, Романия – прим. автора)

⁸ (место для хранения ценных реликвий, которые имеют религиозное сакральное значение. Почитание реликвий наиболее развито в христианстве – прим. автора)

⁹ (Екклесиаст, глава 9. – прим. автора)

Ноги более не держали старика, он опустился на колени и забормотал молитву: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе...»

Самый богатый некогда город Европы, пожираемый огненной стихией, исчезал на глазах. Пожары в Константинополе случались и раньше, но никогда еще за свою тысячелетнюю историю Новый Рим¹⁰ не горел так, как в этот раз – теплой ранней весной тысяча двести четвертого года.

Говорили позже, что это пьяные фламандцы, лангобарды и франки, составлявшие основу войска крестоносцев, набранного по всей Европе, передравшись за добычу во время штурма, подожгли с разных концов ремесленные кварталы и торговые ряды главного рынка, прежде разорив винные погреба и хранилища съестных запасов. Так ли это было или нет, никто не стал искать поджигателей: богатейший город Европы был отдан на три дня разъяренному войску на разграбление, – и каждый спешил урвать свой кусок. Но никто из них не мог себе даже на мгновение представить, что богатства Нового Рима, скопленные за тысячу лет, велики настолько, что грабить его и вывозить сокровища венецианцам и рыцарям Креста придется годами...

Старый монах прикрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул, попытавшись успокоиться и взять себя в руки, но обильно катившиеся слезы оставляли светлые бороздки в копоти, густо покрывающей его лицо. «Погибло, все погибло!» – думал он. – «Господи, помилуй, укрепи меня в вере моей, прости прегрешения мои! Прости братьев моих во Христе, ибо не ведают, что творят! Аминь!»

Предводители двадцатитысячного войска крестоносцев, собравшихся «воевать Святую землю» на Востоке, вместо того, чтобы отправиться в Египет, а оттуда и в Иерусалим, «сражаться за Гроб Господень», внезапно изменили свои первоначальные планы и, объединившись с мощным морским флотом венецианского дожа¹¹ Энрико Дандоло¹², пришли под стены Константинополя, нимало не смущаясь тем фактом, что за стенами высились вовсе не минареты и мечети, а осененные крестом купола Святой Софии.

Забыть о том, что за стенами города не враги, а братья христиане, им помогли мечты о несметных сокровищах крупнейшего города в Европе. Как это часто бывает, алчность победила совесть и на этот раз... Воспользовавшись очередной дворцовой смутой, когда во Влахернском дворце¹³ императоры сменялись чуть ли не раз в месяц, войска запада осадили Константинополь.

Последний «император», бросив семью и домочадцев, в страхе бежал из города тайными ходами почти сразу после штурма, прихватив с собой все, что смог унести из дворцовой казны. Гарнизон, защищавший стены и состоявший почти сплошь из наемников – англичан, датчан и генуэзцев, сдался на милость венецианцев, подогнавших свои корабли так близко к стенам, что их вооруженные отряды свободно переходили по лестницам с галер на башни и обратно. Ополчение, собранное наспех из горожан, билось отчаянно, но выстоять против натиска зака-

¹⁰ (Сюда, в бухту Золотого Рога, римский император Константин I перенёс в 330 году столицу Римской империи, официально переименовав город в «Новый Рим» – прим. автора)

¹¹ (дож – титул выборного главы Венецианской республики на протяжении более чем десяти веков – с VIII по XVIII – возник в 697 году, когда Венеция входила в границы Византии – прим. автора)

¹² (Энрико Дандоло (итал. Enrico Dandolo; 1107 или 1108 – май 1205) – 41-й венецианский дож. Среди других глав Венецианской республики его выделял девяностолетний возраст и слепота, которые не помешали ему быть избранным и оставить заметный след в истории, в том числе повлияв на исход Четвёртого крестового похода и разграбление Константинополя – прим. автора)

¹³ (Влахерны – северо-западный район Константинополя, в конце XI-го века он становится главным административным центром столицы Византии. Императоры, начиная с этого времени, почти постоянно проживают во Влахернском дворце – прим. автора)

ленных в битвах крестоносцев – конных рыцарей и пеших воинов, штурмовавших город с суши по всем правилам военного искусства – у него не было ни единого шанса.

Сквозь бреши, пробитые осадными орудиями в городских стенах, внутрь хлынули вооруженные толпы разъяренных франков, германцев и ломбардцев, размахивающих мечами, секирами и остервенело выкрикивающих: «Deus vult!»¹⁴, и вскоре павший город запыхал сразу в нескольких местах. Грабежи и мародерство, насилие и убийства мутной волной захлестнули столицу ромеев. Рыцари вламывались в дома без разбора и тащили все, что попадало под руку. Они захватывали в плен молодых женщин и детей, намереваясь продать их в рабство, убивая всех, кто вздумал оказать сопротивление. Их слуги и оруженосцы предавались грабежу с не меньшим упоением, присваивая чужое имущество, тут же связывая его в тюки и погружая на лошадей.

Штурм стен Константинополя крестоносцами в 1204 г. Работа художника Якопо Тинторетто. 1580 г.

Обнаружив в потайных хранилищах богатых домов и вилл, церквей и монастырей украшения из золота и серебра, сундуки с самоцветами и бочки с золотой чеканной монетой, драгоценные священные сосуды, украшенные золотом, алмазами, рубинами и жемчугами, древние иконы в дорогих окладах, многие из захватчиков сходили с ума, теряя рассудок от увиденного. Они – кто с восторженными криками, кто со звериным рычанием – обдирали с храмовых иконостасов тяжелые золотые и серебряные пластины, сгребали в мешки золотые чаши и тяжелые канделябры из литого серебра, то и дело устраивая кровавые потасовки со столь же озверевшими товарищами по оружию.

Много лет спустя, один из них, вспоминая этот день, напишет: «Там было такое изобилие богатств, так много золотой и серебряной утвари, так много драгоценных камней, что казалось поистине чудом, как свезено сюда такое великолепное богатство. Со дня сотворения мира не видано и не собрано было подобных сокровищ, столь великолепных и драгоценных. И в сорока богатейших городах земли, я полагаю, не было столько богатств, сколько их было в Константинополе!»¹⁵

¹⁴ («Так хочет Бог!» – девиз крестоносцев, прим. автора)

¹⁵ (Из мемуаров о взятии Константинополя амьенского рыцаря Робера де Клари – прим. автора)

Старик, оглядев улицы, примыкавшие к холму, на котором стоял храм, положил на землю спасенные им книги, завернутые в плотную ткань, – видимо, его собственную одежду, – и выпрямился, вдохнув наконец полной грудью. Теперь у него есть время на короткую передышку. Он размотал головную повязку, потушил тлевшую тряпицу, сложил ее аккуратно и вытер ею лицо. Надо взять себя в руки. Слезами уже не поможешь.

Погода стояла безветренная, и, хоть пожары никто не тушил, огонь пощадил главные храмы: пламя внезапно погасло у самых стен Святой Софии, в чем многие позже увидели знак свыше. Не дошел огонь и до Храма Святых Апостолов, погас у самого подножия холма. Но большая часть ближайших городских кварталов превратились в золу и обугленные головешки.

Внезапно старая железная дверца, скрипнув, приотворилась, и из-за нее высунулась светло-русая взлохмаченная голова. С испугом оглядевшись по сторонам, голубоглазый юноша лет семнадцати, с жидкой кудрявой бороденкой на заплаканном безусом лице, по виду и одежде из русов-изуграфов¹⁶, работавших подмастерьем при храме на восстановлении древних фресок, отчего и одежда его была обильно испачкана красками и мелом штукатурки, увидев старика, радостно вскрикнул и, выйдя к нему, зачастил скороговоркой на диалекте русов, хорошо известном библиотекарю.

– Отче, отче! Отец Феофан! Слава Богу, я уж думал, сгинули, не ровен час! Вас лишь дожидаясь, батюшка! Уходить бы надобно! Боязно оставаться, придут ведь! Не помилуют латиняне, ироды окаянные...

– Уходить? – после долгой паузы отозвался старик на том же наречии, оглянувшись сперва на дрожавшего всем телом подмастерье, а потом на купола храма, сиявшие на солнце. – Куда? Некуда уходить...

– Батюшка, отец Феофан, как же некуда? Все отцы ушли уже! И отец Григорий, и отец Никодим... И служки с ними: Корнилий-хромой да Алипий. Иконы взяли, что могли, книги с писаниями святых отцов. Чай, не отнимут, аспиды проклятые! Сказывали: в монастырь! На Святую Гору!¹⁷ Идти бы надобно, батюшка! Да тихо ты, Фекла! – добавил он раздосадованно.

Маленькая пестрая собачонка, повизгивая, выскочила из-за двери и залиvisto залаяла, радостно виляя куцым хвостом, лапаясь к старику. Тот медленно опустил руку, коснувшись ее головы, и она, заурчав от счастья, сразу начала вылизывать ему ладонь горячим шершавым языком. Он достал из-за пазухи небольшую хлебную корочку, и собака мгновенно подхватила ее маленькими острыми зубками и принялась грызть.

– На Святую Гору ушли? Все? – снова отстраненно поинтересовался монах, внимательно наблюдая, как собака ест и словно мучительно раздумывая о чем-то своем. – И что, при храме никого не осталось? Ни одной христианской души?

– Истинный крест, в Великую Лавру¹⁸ подались, мол, там латиняне проклятые не тронут, – частил молодой рус, отводя глаза. – Как стражники городские разбежались, так сразу собрались и ушли. Один вас дожидаясь, вон и в дорогу собрал уже все. Пора бы и нам, отче!

– И никого больше? – отчего-то гнул свою линию старик, не глядя на юношу.

Молодой иконописец сбился и, понурив голову, тихо произнес:

– Только отец Андрей с братией у ворот встали... Отказались уходить! С оружием, крестами и хоругвями¹⁹ стоят, творят молитвы... Да долго ли простоят супротив такой силищи! –

¹⁶ (изуграф – иконописец, живописец на древней Руси, прим. автора)

¹⁷ (Афон греч. Ἄθως, в греческих источниках официально именуется Святая Гора, греч. Ἁγίον Ορος, «Айон Орос» – название горы (высота 2033 м) и полуострова в Греческой Македонии на севере Восточной Греции – прим. автора)

¹⁸ (Лавра Святого Афанасия или Великая Лавра (греч. Ἱερά Μονή Μεγίστης Λαύρας) – первенствующий монастырь на Святой Горе Афон – прим. автора)

¹⁹ (хоругви – священные знамена церкви, с изображением Спасителя, Божией Матери, особо чтимых святых и праздни-

добавил он в сердцах, подняв голову и взглянув сбоку в лицо библиотекаря. – Ведь всего одиннадцать их! Старики же все, монахи, не воины! Что они смогут? Три меча на всех, из тех, что стражники побросали, уходя. Неужто хотят победить врага? Побьют ведь их насмерть, как есть побьют!

Монах, выслушав его, неожиданно улыбнулся, просветлев лицом и, легко поднявшись на ноги, перекрестился на купола Храма Святых Апостолов.

– Одиннадцать, говоришь? Значит есть еще одно место, спаси Христос!.. – непонятно заметил он, не глядя на молодого человека, в недоумении пытавшегося разгадать смысл его слов.

Снизу вдруг раздался дикий восторженный рев: толпа атакующих, преодолев сопротивление ополчения, ворвалась в ближайший к храму жилой квартал и принялась за грабежи. Был слышен лязг оружия, удары, треск выламываемых дверей и окон, женские крики и ржание лошадей. Старик вздрогнул и повернулся к подмастерью, неловко переминавшемуся с ноги на ногу. Бросив взгляд на книги, лежавшие на земле, и на юношу, старик медлил недолго.

– Победить, говоришь? Нет, сынок... Не победить, а уйти хотят праведно, вслед за апостолами, – проникновенно и торжественно произнес он, бережно поднимая с земли сверток с книгами. – Но вот что: тебе теперь мешкать и в самом деле нечего. Ты иди, отрок! Рано тебе это еще понимать, а видеть воочию и вовсе без надобности... Возвращайся домой, на Русь. Мое же место здесь, с братией. Спеши!

Юноша потерял дар речи. Но, видимо, хорошо зная старшего товарища, он понял, что тот не шутит и мнения своего не изменит. Растерянный и испуганный, русич стоял перед старым греком, не в силах двинуться с места. Крупные слезы ручьем покатились по его лицу. Утирая их рукавом рубахи, он судорожно всхлипывал, дрожа всем телом. Старик положил руку на худое вздрагивающее плечо и, смягчившись, произнес:

– Ну, Ваня, будет рыдать-то!.. Господь не оставит! Возьми с собой торбу с книгами. Что мог... Все остальное огонь забрал... В любой монастырь принесешь – к настоятелю сразу неси, тебя за них ласково примут, наградят. Накинь ту старую хламиду, в келье лежит, она рваная, никто не польстится. Иди к воротам, что в гавани. Там венецианцы выпускают. Пока выпускают... Один через ворота не ходи, дождись, как братия победней из других монастырей пойдет, – с ними шагай. Да хромай явственней, пусть решат, что калека. Кому в рабы калека надобен... Одежду и лицо сажей затри. Да глаз не поднимай, бить будут, обшаривать – терпи. Помни: спаси книги! Все. Храни тебя Господь! А я помолюсь за тебя. И не бойся ничего! Прощай! Спаси Христос! Во имя Отца, Сына и Святого Духа! Аминь! – и старик, благословляя на дальнюю дорогу, трижды перекрестил подмастерье.

– Прощайте, отче, – всхлипнул юноша, поцеловал старику руку, и, наскоро зайдя в келью за вещами, понуро побрел, то и дело спотыкаясь под тяжестью ноши, вниз с холма, в сторону городской стены, противоположную той, откуда еще доносился шум боя, крики жителей и треск пожара.

Старик проводил его взглядом, еще раз трижды сотворил крестное знамение вслед ушедшему, вошел в келью, начисто умылся и встал на колени перед образами, у которых ярко горела небольшая масляная лампадка.

Собачонка осталась снаружи лежать на земле, сонно шурясь на яркое солнце, что подбиралось к зениту. Время от времени она вскидывала голову, прислушиваясь к шуму, доносившемуся от подножия холма, встревоженно оглядывалась на келью, но видя спокойствие хозяйина, снова укладывалась головой на лапы.

Старик читал молитву размеренно и спокойно, словно ничего не случилось, и этот день ничем не отличался от других дней его долгой жизни. Закончив читать, он встал, переоделся

в чистое льняное белье, новый подрясник,²⁰ который берег два года для особого случая, и черную рясу тонкой шерсти, что носил исключительно по праздникам.

Достал из ниши миску с засохшим хлебом и полбой²¹, покрошил хлеб помельче, залил зерно и сухари водой из кувшина и поставил миску у двери в келью – для собаки. Снял с полки свой монашеский куколь²² и надел его на голову. Дверь в келью закрывать плотно не стал, захватил с собой посох и направился к главному входу в храм.

Он шел легко и спокойно, распрямившись и подставив лицо под солнечные лучи, словно помолодевший и полный сил. Фекла вскочила, подбежала к дверце в келью, удивленно обнюхала оставленную для нее миску, – монах кормил ее обычно дважды в день, утром и вечером, – облизнулась, но заметив, что хозяин уходит, быстро потрусил за ним вслед.

Передовой боевой отряд венецианцев численностью в двести человек достиг холма, на котором высился Храм Святых Апостолов, ровно в полдень. В кольчугах, с мечами и длинными зазубренными копьями отряд морской пехоты – «скаполи»²³ – быстро окружил холм. «Арсеналотти»²⁴ – элита венецианской гвардии дожа, – вооруженные тяжелыми арбалетами, разбившись на три группы по двенадцать человек, по команде предводителя направились к главному входу, у которого стояла в ожидании небольшая группа монахов с хоругвями, и остановились полукругом, не доходя двадцати метров до ворот. Два офицера, сидевшие верхом, медленно двигались следом в сопровождении дюжины пеших телохранителей, вооруженных до зубов. Всадники не торопились, внимательно рассматривая храм и людей, стоявших у входа.

Если невежественные крестоносцы грабили все подряд, надолго увязнув в жилых кварталах, то венецианцы вели себя иначе, прекрасно понимая, в каком городе они находятся. Входя поочередно в церкви и храмовые хранилища, они захватывали сами храмы и с ними – все их несметные богатства, произведения искусства и священные реликвии. Они не спешили. Делали все четко, осторожно, стараясь зря не рисковать. На Империю ромеев и подвластные ей территории у них были свои собственные далеко идущие планы...

Предводитель отряда, венецианский вельможа лет пятидесяти, Марко Санудо, которого сопровождавшие его воины называли «капитаном», – крепкий бородатый мужчина в дорогой одежде, с крупными чертами волевого лица, – отдавал приказы, сидя на великолепном коне, покрытом красной парчовой попоной, расшитой золотой нитью. Солнце, стоящее в зените, ярко отражалось от стального нагрудника, поверх которого висела массивная золотая цепь, свидетельствующая о том, что ее хозяин знатного происхождения.

Племянник самого великого дожа Энрико Дандоло и его доверенное лицо Санудо знал Константинополь, как свои пять пальцев. Недаром он провел здесь столько лет в качестве посла Венецианской Республики. Именно ему было поручено захватить главные храмы города вместе с их драгоценным содержимым. Он знал, что делать, куда идти и что именно искать. Два главных храма столицы – Святая София и церковь Святых Апостолов – интересовали его в первую очередь. Вернее сказать, не сами храмы: венецианский купец и полководец был давно равнодушен к религии, а несметные богатства, которые они хранили. Золото и богатства были для него превыше всего. Зная эти качества своего племянника, великий дож мог не сомневаться,

²⁰ (Подрясник – нижнее облачение православного духовенства – длинная до пят одежда с длинными узкими (в отличие от рясы) рукавами. Используется не только при богослужении, но и вне его – прим. автора)

²¹ (Полба – вид пшеницы с зерном кирпично-красного цвета – прим. автора)

²² (куколь др.-греч. *κουκόλλιον* – «чепец, колпак», др.-греч. *κυκλάς* – «кругообразно расположенный», лат. *cuculla*, *cucullus* – «капюшон») – монашеский головной покров – прим. автора)

²³ (добровольческая морская пехота венецианской армии, которая наряду с рабами и капитанами составляла экипаж венецианского флота – прим. автора)

²⁴ (квалифицированные и хорошо оплачиваемые ремесленники венецианского Арсенала, из которых набиралась элита венецианской пехоты. Они обеспечивали охрану дворца дожа, в боевых условиях арсеналоттов использовали для усиления обычной пехоты – прим. автора)

что его приказание будет выполнено передовым отрядом несмотря ни на что. «Капитан» – это прозвище Марко получил в Венеции за свои грабительские морские походы против Генуи – никогда не давал волю сантиментам, когда речь шла о прибыли для Республики и для себя лично.

На какое-то время прибывшие застыли против входа. Черные, миндалевидной формы глаза Санудо внимательно рассматривали монахов. Мрачные, с суровыми лицами «арсеналотти», взяв арбалеты наизготовку, ждали приказа открыть огонь.

– Что вы намерены делать, синьор? – поинтересовался на венецианском диалекте итальянского языка сопровождавший его всадник, элегантно одетый мужчина средних лет, в шляпе с пышным плюмажем, и ярко-пурпурном плаще поверх серебристой кольчуги. – Переговоры?

– Если я буду терять драгоценное время на то, чтобы вести переговоры со всяким сбродом, синьор Дандоло, – с поклоном ответил «капитан», оскалив в усмешке острые желтые зубы, – ваш отец, мой дядя, перестанет доверять мне важные дела. К тому же, с нами всего две сотни храбрецов. Если наши союзники – тут лицо его перекосила презрительная гримаса – решат спяну ударить нам в тыл, чтобы разделить с нами храмовые сокровища, мы не сможем их сдержать. Наша задача – войти в храм и продержаться там до подхода основных сил. Одна сокровищница этого храма стоит ста городских кварталов. Вестовой мне сообщил, что к нам направлены еще три роты десанта с двух галер, – это увеличит наши силы и даст возможность обороняться в случае необходимости.

– Но монахи не уйдут по доброй воле, – пожал плечами сын дожа. – В таком случае вам необходимо что-то срочно предпринять. Но и расстреливать их без причины... У великого дожа есть планы на эту страну и ее население. Боюсь, что казни местных священников затруднят взаимопонимание с народом и приведут к восстаниям. У них же должен быть здравый смысл! Они должны покориться воле дожа!

– Знаю, – недовольно буркнул «капитан». – Хорошо, я поговорю с ними. Но боюсь, что на здравый смысл, о котором вы толкуете, здесь нам рассчитывать не приходится. Но если вы настаиваете...

Какое-то время он рассматривал группу монахов, переводя взгляд своих выпуклых глаз с одного на другого.

– Эй, сержант! – крикнул он наконец одному из «арсеналотти», бородатому верзиле с толстой короткой шеей и золотым шевроном на рукаве. – Подведите ко мне одного из них, вот того, справа. Скажите, я хочу переговорить с ним. Только посох пусть бросит!

Повинуясь знаку сержанта и оставив посох у стены, библиотекарь медленно подошел к всадникам, держа спину прямо и бестрепетно глядя венецианцам прямо в лицо. Санудо он не понравился с первого взгляда: слишком независим и, похоже, ничего не боится.

– Кто ты, старик? – поинтересовался «капитан» на общегреческом «койне»²⁵.

– Библиотекарь, – был сдержанный ответ. – Раб Божий Феофан.

– Старик, ты знаешь, кто мы? – подавшись вперед, задал вопрос молодой Дандоло, ободренный тем, что старик ведет себя спокойно. – Понимаешь, зачем мы пришли? Ты откроешь нам двери?

– Знаю, – спокойно ответил тот, взглянув своим пронзительным взглядом тому прямо в глаза. – Вы грешники и предатели. Вы предали веру Христову. Нашу общую веру. Отныне и вовек, вы разбойники и воры. И ваш папа – главный вор и разбойник. Зачем вы пришли? Думаю, что вы пришли грабить. Но в Храм вы не войдете. Даже если попытаете нас насмерть.

²⁵ (Койнэ (греч. Κοινή Ἑλληνική «общий греческий», или ἡ κοινὴ διάλεκτος, «общий диалект») – распространённая форма греческого языка, возникшая в постклассическую античную эпоху. Койне было первым надрегиональным диалектом Греции и впоследствии стало общим языком восточного Средиземноморья и древнего Ближнего Востока в римский период. Является основным предком современного греческого языка – прим. автора).

Никто из нас не откроет вам ворота Храма. Вы не прикоснетесь грязными руками к нашим святыням. Уходите!

– Я не могу этого сделать, монах. Хочешь ты того или нет, но в храм мы войдем, – вздохнув, ответил Санудо, поигрывая плеткой, зажатой в кулаке. – Не хотите по-хорошему, что ж, пусть будет по-плохому! Мне плевать на вашу веру. Да и на папу, если честно, тоже. В Венеции правит великий дож! А теперь и в Константинополе! Знаешь, что будет тебе за неповиновение его приказам?

Старик неожиданно сделал шаг вперед, и закаленный в боях гневой «капитана», будто испугавшись чего-то, вдруг отшатнулся в сторону, нервно кося на монаха лиловым глазом. Венецианцу пришлось приложить усилия, чтобы успокоить коня. Несколько телохранителей с короткими обоюдоострыми мечами выскочили навстречу монаху, не подпуская его ближе. Он усмехнулся и остановился, спокойно сложив руки ладонями на груди.

– Что мне ваш дож? Такой же предатель и грешник, как и папа. С нами Господь Спаситель наш Иисус и его святые апостолы! Если вы попытаетесь войти в храм, я прокляну вас и предам анафеме! Уходите, пока проклятие не пало на ваши головы!

– Ладно же! Я теряю с ними время! Посмотрим, что ты сейчас запоешь! – разозленный венецианец махнул рукой сержанту «арсеналотти», тот в свою очередь что-то короткоскомандовал, и арбалетки произвели залп. Монахи падали на землю молча, не выпустив из рук хоругви и кресты. К ним бросились телохранители и добили раненых мечами.

Библиотекарь стоял, по-прежнему сложив руки на груди, и, низко склонив голову, молился за упокой души своих братьев.

– А что с этим делать, капитан? – поинтересовался у Санудо один из его помощников, вернувшись к командиру и вытирая свой длинный кинжал об оторванный от чьей-то рясы кусок ткани. – Перерезать и ему глотку?

– А кто откроет нам дверь? Сами мы провозимся несколько часов. Оставьте его пока в живых, – сквозь зубы процедил «капитан». – Он что-то там говорил про пытки? Вот и поглядим, кто из нас двоих больше о них знает! – и, повернувшись к своему спутнику, раздраженно добавил: – Вот видите, синьор, я давно и хорошо знаю греков: они твердолобы и упрямы. Здравого смысла от них мы не дождемся. Так и этот монах: только и знает, что бормотать о каком-то проклятии! Но посмотрим, что он запоет под пытками! Я буду отрубать ему руки и ноги по частям, пока он не скажет, как попасть в храмовую сокровищницу...

Огромные клубы черного дыма от пожарища почти отвесно поднимались в голубое небо над Босфором, откуда на головы многочисленных беженцев, покидавших город пешим ходом и на лодках, хлопьями валил пепел. Венецианцы великодушно дали им уйти беспрепятственно, но не ранее, чем караульные у городских стен обшарили котомки несчастных в поисках прятанных драгоценностей.

От городских ворот в бухту Золотого рога направлялась пестрая толпа рыдающих от горя женщин, растерянных и поникших мужчин, груженных жалким скарбом, детей, поскуливающих от страха, надсадно кашляющих и в ужасе оглядывающихся на горящий город, – пепел не давал им спокойно дышать – стариков, что еле брели, то и дело опускаясь на землю, припадая к ней всем телом, содрогавшимся в рыданиях. Кого-то из них поднимали родственники, сами обессиленные и истерзанные, ставили на ноги и вели за собой из последних сил, но многие так и оставались лежать без чувств на земле.

Несколько часов спустя, молодой человек в рваном плаще с капюшоном, что скрывал его испачканное сажей лицо, отделился от людского потока. Остановившись на мгновение, он оглянулся на пылающий город, оставшийся вдалеке, где за огромными стенами виднелись купола Святой Софии и Храма Святых Апостолов. Юноша сотворил короткую молитву, перекрестился на купола храмов, тяжело вздохнул, поправил торбу с книгами и побрел дальше. Он не мог знать, что венецианцы смогли попасть внутрь церкви только к полуночи, подведя

под двери храма тяжелый таран. Но все это время, пока они крушили стену и ворота, маленькая пестрая собачонка досаждала им тоскливым пронзительным воем, сидя в отдалении над истерзанным телом старого монаха. Она выла, не переставая, всю ночь напролет, отчего-то вселяя суеверный ужас в сердца бывалых гвардейцев. И лишь только к утру, с первыми лучами солнца, вой прекратился.

Часть четвертая

*Призраки прошлого говорят со всеми, кто
способен их услышать.*

Из телесериала «Ворон».

Поредевшие группы туристов, ознакомившись в деталях с достопримечательностями главной крепости острова, посетив музеи, картинную галерею, винные погреба замка и напоследок осмотрев выставку венецианского быта, покидали территорию Кастро с выражением исполненного долга и удовлетворенной усталости на лицах: прогулка, занявшая полдня, потребовала сил и терпения, но и доставила им несомненное удовольствие.

Направляясь к облюбованным заранее тавернам и кафе в гавани, что сложили – как дань теплой осени – солнечные зонты и выставили столики из-под шатров и навесов прямо на променада, а где-то и к самой кромке морского прибоя, гости острова негромко переговаривались друг с другом, делаясь впечатлениями об увиденном, смеялись и шутили. Теперь их ждало другое удовольствие, гастрономическое.

Традиционный дневной перерыв на сиесту с полудня до шестнадцати часов уже закончился, а с наступлением бархатного сезона многие кафе и рестораны сократили его вдвое. Совсем отменить мертвое время сиесты даже в интересах коммерции островные греки, чтущие древние традиции, никогда не решатся.

О чем узнает неопытный путешественник в первый же день своего пребывания на греческом острове? Потерянно бродя во время солнцепека по улицам в сопровождении таких же, как он, бедолаг-первопроходцев, в удивлении застывая перед закрытыми дверями ресторанов, кафе, магазинов и музеев, он выясняет, что обеденный перерыв здесь длится несколько часов.

Греки свято верят, что у «любого человека всегда есть право» не только «на чашечку кофе», но и «на обеденный сон». И пока грек будет не спеша смаковать свой кофе – можно и с китроном или ракомело! – или сладко подремывать в теничке, ничего страшного не случится, мир не рухнет. Ну, не рухнул же он, в самом деле, за последние несколько тысяч лет? К чему куда-то спешить? А уж переживать по этому поводу и вовсе не стоит!

В первые дни своего пребывания в Греции неопытный турист еще как раз нервничает, куда-то бежит, боясь по привычке опоздать, торопит слишком медлительных – по его мнению – продавцов в магазинах, сувенирных лавках, на автозаправках и пунктах проката, переживает и недоумевает, – но потом, постепенно погружаясь в «островную нирвану», уже относится к местным обычаям спокойнее. А домой из отпуска возвращается и вовсе отдохнувшим, расслабленным, безмятежным и еще долгое время искренне удивляется привычному бешеному ритму жизни вокруг. И что он тогда делает? Пытается организовать дома сиесту, что так приглянулась ему по душе. Но тщетно! Греческая сиеста возможна только в Греции. Осознав это, турист немедленно приступает к планированию очередного отпуска.

Официанты, завидев приближающихся клиентов, радостно улыбаются им, приветствовали, как добрых знакомых, быстро рассаживая их за столики и принимая заказы. На кухнях таверн уже развели огонь в мангалах, повара покрикивали на своих помощников, выносящих из холодильных камер большие блюда с разделанными тушками рыб, каракатиц, осьминогов, лобстеров и креветок. Все это изобилие морепродуктов будет приготовлено сегодня же на гриле с оливковым маслом, розмарином, тимьяном и чесноком, чтобы, сбрызнутое лимонным соком, предстать в сопровождении кувшинов с домашним вином перед восхищенными взорами проголодавшихся гостей. Но это будет вечером, а пока туристы не спеша рассаживаются по тавернам, заказывают напитки и легкие закуски.

Покинув Кастро через главные ворота у башни Глезос вместе с другими посетителями замка, наши герои решили расположиться в кафе у самого выхода из крепости. «Освежиться перед кулинарной фиестой!» – как выразился Джеймс Бэрроу. Молодые женщины его поддержали, Смолев не возражал: всем вдруг захотелось выпить что-нибудь прохладительное.

Открытое исключительно в туристический сезон, маленькое кафе так и называлось: «У Башни». Все четыре его столика были теперь заполнены. За одним расположилась семья молодых итальянцев: громко разговаривая между собой, они отчаянно жестикулировали и показывали друг другу отснятые кадры. За другим столиком сидели флегматичные немцы, пара средних лет, загоревшие до черноты, в белых панамах, одинаковых футболках и шортах. Женщина заказала себе воду с лимоном, в то время как ее супруг лениво цедил светлое пиво из высокого запотевшего бокала. За третьим столиком разместились греческая молодая парочка из местных: юноша, задорно поблескивая глазами, что-то рассказывал своей подружке, а та то и дело смеялась, запрокидывая голову.

Заказав напитки молодому официанту в отутюженной черной сорочке, черных брюках с блестящим кантом и в черных лакированных туфлях, друзья какое-то время отдыхали в тишине, глядя по сторонам.

– Какой все-таки ужас, Джеймс! – произнесла Лили, нарушая затянувшееся молчание. Она все еще находилась под гнетущим впечатлением от рассказа. – Я никогда раньше не слышала от тебя этой истории! Как они могли? Как это все печально! Я так сильно расстроилась...

– Ну, разумеется! Я прекрасно знаю, насколько ты впечатлительна, дорогая, – подтвердил Джеймс Бэрроу, нежно погладив жену по руке, – и поэтому стараюсь не рассказывать тебе таких историй. К тому же, эту я узнал совсем недавно. На прошлой неделе, знаете ли, друзья, засиделись допоздна за чаем с китроном у местного смотрителя Венецианского музея. Того самого профессора Морозини. Какая эрудиция, скажу я вам, какой блестящий интеллект! Он защитил докторскую диссертацию по истории Венецианской Республики, – это не человек, это просто какой-то кладезь разных удивительных фактов! Вот разговор и зашел об истории замка Кастро и башни Санудо... Когда синьор Джузеппе сегодня придет на виллу, – а я надеюсь, что он сможет, – он обязательно расскажет еще много интересного, если мы его попросим.

– Но это ведь еще не вся история, я так полагаю, Джеймс? – поинтересовался Смолев, пристально глядя в лицо археологу. – Вы наверняка желаете добавить что-то еще? Например, объяснить нам, какое отношение имеет штурм Константинополя к возведению замка на острове Наксос? Что связывает эти два факта?

– Да, и что с привидениями? – поддержала Смолева Стефания. – Про привидения пока не было сказано ни слова! Джеймс, вы обещали! А вот и напитки!

В этот момент стильный официант появился с большим подносом, и на столе возникли два больших бокала зеленого чая со льдом, свежей мятой и дольками лайма – для англичан, кувшин сангрии из местного вина и фруктов, специально приготовленной по просьбе испанки, и бутылка холодной питьевой воды без газа – для Смолева. Всем остальным напиткам – если речь не шла о сухом вине и не о кофе по утрам – Алекс предпочитал чистую питьевую воду.

– Вы совершенно правы, Алекс, – согласился англичанин. – Все просто: венецианский военачальник, о котором я рассказал вам, это и был именно тот самый Марко Санудо, что после падения Константинополя собрал морской флот и в тысяча двести седьмом году захватил большую часть Кикладских островов. Так, постараюсь по памяти: Наксос, Парос, Антипарос, Милос, Санторини, – ну, это понятно, э-э-э... Что же еще? Фолегандрос, Анафи, так... Сидено, Аргентьеру... У-ф-ф-ф! Кажется, все! Огромные территории! Не очень понимаю, правда, зачем они ему понадобились? Сомневаюсь, что он хотя бы посетил их все. Я вот до сих пор не успел!

– То есть, тот самый Санудо, который построил знаменитый замок с башнями, что мы сегодня видели? Племянник Энрико Дандоло? – уточнил Смолев, задумавшись. «Странно, что

Санудо для завоевания Киклад пришлось „собрать флот“ почти два года после смерти дожа. У Венеции, с ее самым мощным галерным флотом на Средиземном море, боевых кораблей хватало... Если бы речь шла о захвате земель для Венеции, корабли бы нашлись быстро!» – размышлял он. – «Похоже, это была его личная инициатива!»

– Да, вот именно, племянник! – радостно воскликнул Джеймс Бэрроу, поправляя очки. – И именно он стал герцогом Наксосским в тысяча двести десятом году. Надо сказать, что сам император Латинской империи э-э-э... Генрих I Фландрский, если не ошибаюсь, официально закрепил за ним этот титул. Подтвердил, так сказать, его земельные притязания. С большой pompой было все обставлено, м-да! – и англичанин сделал большой глоток из бокала. – Так возникла династия Санудо, что правила на Наксосу более ста пятидесяти лет! И теперь на острове есть замечательный замок, куда мы можем...

– Привидения, Джеймс! – едва сдерживая смех, перебила испанка английского археолога, который снова отвлекся. – Ради всего святого! Я требую привидений! Вы уже второй час нам рассказываете историю, но до духов и демонов мы так и не добрались!

Бэрроу добродушно и немного виновато рассмеялся. Он сделал еще один большой глоток, отставил стакан и продолжил нарочито хриплым голосом, глядя на Стефани и устрашающе вытаращив глаза. Смолев улыбнулся: Джеймс, в попытке казаться страшным, выглядел очень забавно.

– Так вот, про привидения, дорогая Стефани! Вас устроит жуткий демон, проклятый навеки и обреченный бродить по ночам по замку с фонарем? Он настолько зловещ, что все юноши, что встречали его, сходили с ума и бросались с башни Глезос вниз, прямо на каменные утесы, разбиваясь насмерть! Подойдет?

– Подойдет! – задорно согласилась Стефани и чокнулась своим бокалом с полупустым бокалом англичанина, принимая вызов. – Рассказывайте! Я жду подробности! Но почему, спрашивается, только юноши? Что за несправедливость?

– Видимо, девушки в ночное время по крепости просто не ходили, – высказал логичное предположение Смолев, улынувшись. – И правильно делали!

– Ужас какой! – произнесла Лили, следя за разговором и зябко поводя плечами. – Юноши? Прямо насмерть? И кто же это был? И ради всего святого, милый, что ты хрипишь, как угнетенник? Прекрати немедленно, мне и так страшно! На нас уже оборачиваются!

Она была права: немецкая пара с удивлением прислушивалась к разговору за соседним столиком. Джеймс, не обращая на них никакого внимания, поднял руку, призывая друзей к тишине, словно собирался сказать сейчас что-то очень важное.

– Есть легенда, – своим обычным голосом продолжил он рассказ, – мне ее также поведал синьор Джузеппе, – будто бы, став герцогом Наксосским, Марко Санудо оказался чрезвычайно богатым человеком. Просто неприлично богатым. Фантастически! Что там Крез по сравнению с ним! Он построил на островах несколько крепостей, в казематах которых, по преданиям, и спрятал несметные сокровища! Правда, до сих пор их никто не нашел. Но, говорят, что многие пытались и не одно столетие.

– А где он их взял? – удивилась Лили.

– Очевидно, это все было вывезено из Константинополя. Вот и связь между двумя событиями. По крайней мере, даты совпадают, – задумчиво произнес Алекс. – Вряд ли бы он захватил такую богатую добычу на местных островах. Здесь и сейчас-то населения немного, а уж восемьсот лет назад... Тут обитали лишь крестьяне-пастухи, рыбаки и горные козы! Мало кто из них мог похвастаться солидными накоплениями. Зачем он вообще захватил эти острова? Что-то здесь не так... Любопытно, любопытно! Ну-ка, что нам скажет Google?..

Смолев достал из кармана пиджака свой айпад-мини и, быстро пробежав пальцами по экрану, подключился к Сети и погрузился в изучение статей по теме, продолжая следить за разговором.

– Впрочем, похоже, что я не прав. Вернее, не совсем прав, – признал он через несколько минут. – К тому моменту острова находились под владичеством Византии уже восемьсот лет, и на многих из них были построены христианские монастыри и храмы. Кто только ни высаживался на эти берега: готы, славяне, норманны, причем продолжительное время острова являлись базами морских пиратов. И все равно, странный выбор. Уверен, что многие острова из тех, что вы перечислили, Джеймс, на тот момент были и вовсе необитаемы.

– Вот именно, дорогой Алекс! Мне тоже показалось это странным! – подхватил английский археолог. – Он захватил практически пустынные острова, поселился на одном из них и начал строить, как одержимый!

– Строить что, милый? – поинтересовалась Лили.

– Господи, да все! – фыркнул Бэрроу. – Он строил непрерывно! Строил крепости, форты, дозорные башни, потратив на это значительную часть своего состояния. Только сам Кастро обошелся ему в огромную сумму, на сегодняшние деньги – это сотни миллионов фунтов стерлингов! Ну, или евро, если хотите. Колоссальные деньги! Зачем, спрашивается, – для чего? Кому это было нужно?

– Возможно, он боялся вторжения с моря? – попыталась угадать Стефания, подцепив на вилку дольку апельсина и пытаясь ее извлечь из кувшина с сангрией. Долька то и дело соскальзывала, но девушка не сдавалась. – Алекс же упомянул пиратов!

– Но его так и не произошло! – махнул рукой англичанин, едва не попав по своему бокалу и не смахнув его со стола. – По крайней мере, за время правления его светлости.

– Да, ты прав, дорогой, – задумчиво подтвердила Лили, привычно отодвигая пустой бокал мужа на безопасное расстояние и от края стола, и от самого Джеймса. – Почему он не отправился просто в Венецию? С такими-то деньгами? Карнавалы, гондолы, палаццо, красивые женщины! Праздник каждый день! Он бы жил там, как король! А он приехал сюда? Мне одной кажется, что он, возможно, от кого-то бежал? Выбрал остров посреди моря, вдали от суши, и построил на нем неприступную крепость. Что думаете, Стефани?

– Очень похоже, Лили! – кивнула испанка, все-таки достав апельсиновую дольку из опустевшего кувшина и закусывая ею, жмурясь от удовольствия. – Сдается мне, он бежал и пытался укрыться. Видимо, чего-то он все-таки боялся. А все это «герцогство» – от безысходности. Так, подсластил сам себе пилюлю во время добровольного изгнания. Вот не верю я, что блестящий, богатый вельможа добровольно променяет Венецию тех лет на живописное царство горных коз посреди Эгейского моря. Нечисто тут что-то. Но, действительно, откуда у него столько денег? – повернулась она к археологу. – Синьор Джузеппе рассказал вам, Джеймс? Поделитесь, раз уж до привидений мы все еще так и не добрались!

Теперь поднял руку Алекс.

– Источники сообщают, что некоторые современники считали, будто именно Марко Санудо после смерти своего дяди в тысяча двести пятом году вывез большую часть личной сокровищницы покойного дожа, – сообщил компании Смолев, откладывая в сторону гаджет. – Вывез, но до Венеции – куда должен был проследовать с грузом – не добрался. Можете как-то прокомментировать эту версию, Джеймс? Каково мнение профессора по этому вопросу?

– Я бы и рад, Алекс, – хмыкнул Бэрроу несколько смущенно. – Мне кажется, что мы с ним это обсуждали... Но в этом конкретно пункте у меня некоторые провалы в памяти, если честно, потому что я еще не привык к местному китрону. А обидеть синьора Джузеппе отказом, когда он уже распечатал вторую бутылку, мне показалось в тот момент бестактным...

Женщины рассмеялись, Смолев сдержанно улыбнулся. Местный ликер – вещь обманчивая: пьется легко, но в больших дозах свалит с ног и мужчину комплекцией куда покрепче, чем археолог, который несмотря на весь свой знаменитый аппетит был вполне худощав и строен. Обычно Джеймс предпочитал белое сухое вино сорта ассиртико, легкое, вкусное и полезное для пищеварения. Китрон же на острове был трех разных сортов: желтый – послаще и помягче,

зеленый – покрепче и не такой сладкий, и прозрачный – нечто среднее. Обычно все выбирали себе ликер по вкусу и запоминали по цвету. Но археолог по рассеянности все время путал и цвета, и сорта ликера, чем давал повод для веселых шуток.

– Так вот, говорят, что последние десять лет своей жизни Марко Санудо был крайне подозрительным человеком, гневным, жестоким и скорым на расправу. Он раздражался по пустякам, то и дело менял место своего жительства, перевозя из крепости в крепость, из форта в форт, какие-то тяжелые ящики и окованные железом сундуки. Ночами старый герцог почти не спал, обходя со стражей свой замок с факелами и собаками, словно разыскивая кого-то... Будто бы он искал какого-то старого монаха, чудившегося ему по ночам. А когда Санудо умер в достаточно преклонном возрасте, – его светлости было далеко за семьдесят – то жители Кастро в течение еще доброй сотни лет то и дело видели по ночам какого-то блуждающего старика в потертом кафтане с золотыми пуговицами, с факелом в руке. Старик мгновенно исчезал, стоило его окликнуть. Якобы, – прости, дорогая! – полуистлевшее лицо демона было настолько страшным, а глаза горели таким кровавым огнем, что любой, увидевший его, сходил с ума от ужаса, бросался вниз с башни Глезос и разбивался насмерть!

– Ка-кой кош-мар!.. – медленно, словно по слогам, выдохнула побледневшая Лили, испуганно оглянувшись на башню, стоящую у нее за спиной. – Вот с этой самой башни... Все! Да чтобы я теперь сюда одна... еще хоть раз... И не проси!

– Чем кончилось дело? – поинтересовался Смолев у Джеймса, ободряюще улыбнувшись Лили Бэрроу, пока Стефания обняла подругу за плечи.

– Когда в течение двух лет подряд из-за проклятия погибло около десяти юношей из знатных семейств, у жителей Бурго лопнуло терпение, – и на демона устроили самую настоящую охоту. С вечера выставлялись караулы, вооруженные отряды обходили крепость по периметру, жгли костры. Однажды ночью горожане, отправившиеся в дозор, увидели, что демон появляется и исчезает в башне Санудо. Жители замуровали камнем все подвалы этой башни, после чего саму башню разрушили до основания. С тех пор демон исчез и здесь стало совершенно безопасно! Вот и вся история! Довольны? – весело поинтересовался Джеймс, подмигивая девушкам.

– Как вы говорите, Джеймс, фамилия синьора Джузеппе? Морозини? – несколько невпопад поинтересовался Смолев, снова листая страницы в Сети и помещая заинтересовавшие его статьи в электронные закладки.

– Морозини, совершенно верно!

– Любопытно, очень любопытно, – Алекс взглянул на часы, закончил изучать свой айпад-мини, выключил его и убрал во внутренний карман пиджака. – Что же, буду рад лично пригласить

сильно его сегодня к нам на барбекю. А сейчас, девушки, предлагаю вернуться на виллу, отдохнуть и подготовиться к вечеру, – как вы на это смотрите? Программа праздника сегодня длинная, и надо встретить его во всеоружии!

– Я? Да я готова бежать отсюда со всех ног, – вполголоса сказала Лили, вскочив и повернувшись к Стефании. – Как только подумаю, как этот... Как его... Замурованный! Бродит ночью с факелом... С красными глазами... Аж оторопь берет!

Рассчитавшись с официантом, одарившим их на прощание яркой жизнерадостной улыбкой, друзья отправились на улицу «Апиранто». Немецкая пара флегматично проводила их задумчивыми взглядами.

Еще через пятнадцать минут Смолев уже открывал калитку виллы «Афродита», выкрашенную в ярко-синий цвет. Супруги Бэрроу отправились в свой номер, Стефания, весело помахав Алексу рукой на прощание, убежала наверх, в сторону галереи, что вела на хозяйскую половину: там ей были выделены отдельные апартаменты, а сам Смолев решил задержаться у ресепшн, чтобы переговорить с Катериной – старшим администратором и руководителем службы размещения.

Когда Алекс подошел к стойке администратора, на «мостике» никого не оказалось. Он покачал головой и позвонил. Тишина. В комнате отдыха персонала тоже никто не отозвался. Алекс искренне удивился и снова нажал кнопку звонка.

– Босс, бегу, уже бегу! – вдруг раздался знакомый девичий голос с лестницы, сопровождаемый цоканьем каблучков по ступеням. – Слава богу, вы пришли, босс! Мы все вас сегодня потеряли!

Катерина вприпрыжку спускалась по лестнице к стойке администратора. Между собой Смолев и Катерина всегда говорили по-русски: девушка была рада возможности практиковать свой второй родной язык по маминой линии. Греческий же – по папиной – она тоже знала в совершенстве. А еще английский и немецкий – в объеме, достаточном для выполнения своих служебных обязанностей.

– Только поднялась на кухню на две минуты, чтобы передать Петросу информацию от Никоса: он приходил сказать, что сегодня еще раз выйдет в море проверить ловушки, и свежие лобстеры, все, что будут, сдаст на кухню в таверну, там они кончились, а тут и вы, босс! – выпалила она на одном дыхании, забегая за стойку и усаживаясь на свое место. Она развернула «Журнал заселения» и начала листать страницы. – Так вот, вы как хотите, а я вам сейчас доложу ситуацию с размещением! Таких гостей у нас с вами еще не было! Софьи нет до сих пор, – опережая его вопрос, произнесла она быстрой скороговоркой, – будет только к самому празднику. Я ей уже несколько раз звонила, но она занята! И она вам звонила, и я, а у вас что-то с телефоном! Кстати, босс, а что у вас с телефоном?

– Ясно, – обреченно кивнул Алекс, усаживаясь под обрушившимся на него шквалом информации в кресло, стоящее рядом со стойкой. – С телефоном у меня все в порядке: он выключен. Я его потом включу. Если надо будет. Пока я счастлив и без него. И не надо делать круглые глаза! Докладывай! Только умоляю тебя: быстро и по существу! Кто заехал, в какой номер, на какой срок. А то праздник барбекю пройдет без нас с тобой.

– Ой, босс! Станный вы какой-то! Всю неделю нас удивляете! То задумчивый какой-то стали, целыми днями пропадаете где-то, улыбаетесь так загадочно, не дозвонитесь до вас, то вот торопите меня зачем-то... Не похоже на вас, всегда такого рассудительного! Между прочим, скажу я вам, так себя только влюбленные ведут, правда, правда! Вот зря смеетесь! Не верите? Вон на Софию с Петросом посмотрите, на Петроса особенно! Ходит, улыбается, рот до ушей, хоть привязочки зашей... Что? Завязочки? Что с ними сделать? Пришить? Кому?! Ах, поговорка наоборот! Бабушка моя говорила, а я не так запомнила... Сейчас, сейчас, босс, потерпите, вот последний лист уже распечатываю...

Принтер стрекотал, выдавая листы с карточками на гостей. С недавней поры Смолев взял за привычку просматривать их лично, чтобы знать и понимать своих гостей лучше. Катерина, довольная уже и тем, что ее не перебивают, продолжала:

– Впрочем, и то правда – без любви никуда! Мне и София говорила сегодня, ну как раз в конце завтрака, когда мы к булочкам с вареньем перешли, – отличные, кстати, сегодня у Петроса булочки с клубничным вареньем, гораздо вкуснее, чем с заварным кремом были на прошлой неделе! – мол, должна же быть у вас хоть какая-то личная жизнь, в самом деле! А что хорошего, одни дела: гостиница, таверна да виноградники. Разве это жизнь? Одно мучение! Правильно и Василика на кухне говорит: пора вам жениться! Вы же все-таки еще не очень старый! Ой! – испуганно закрыла она рот обеими руками и смущенно покраснела. – Я опять что-то не то сказала?

Смолев, сидя в кресле, уже давно прикрыл ладонью лицо и, едва сдерживая смех, покорно выслушивал этот «поток-сознание», лишь изредка вставляя реплики. Нет, Катерина была положительно неисправима. Но по опыту он знал, что ей надо было дать минут десять выговориться. Видимо, такой возможности у бедняжки не было с самого утра, – вот у нее и накопилось. Потом можно будет и о деле поговорить. А работник она отличный, ответственный и добросовестный. Он махнул ей другой рукой, мол, ничего, нормально, продолжай!

– Да, да, о делах, – засуетилась она, стараясь исправить впечатление от своей оплошности. – Сегодня заехали такие интересные гости! Я со всех паспортов сделала копии, как вы и распорядились. Мы теперь всегда делаем копии... По каждому гостю внесла данные и в файлы, и в журнал, – тут она подняла голову и посмотрела в потолок. – Вот только в голове у меня что-то все крутится и крутится! Что-то важное я вам должна была сказать, босс! Кто-то просил что-то передать... Совершенно вылетело из головы в этой суматохе! Нет, не по вилле. По вилле я запомнила бы! И три раза записала. Давайте по порядку я буду вспоминать, как день прошел, и это тоже вспомню? Не слишком, видимо, и важное, если я забыла.

– Катя, – взмолился Смолев уже всерьез. – Мы с тобой «весь день вспоминать» будем до утра! А мне, как «не очень еще старому», личная жизнь дорога, как память! А еще я должен праздник открывать как владелец виллы, – ты помнишь? А да него осталось, – тут Смолев взглянул на настенные часы, – всего каких-то три часа! Давай по порядку, я тебе помогу. Первый номер?

– Первый номер, – по памяти отрапортовала Катерина, – муж и жена, Ксенофон и Кассандра Димопулу-Ламбракис, сорок семь и тридцать девять лет, греки, актеры из Афинского театра драмы, очень известные люди, снимаются в кино и на греческом телевидении в мыльных операх. Вы не смотрели? Что вы, босс! Вся моя родня – по греческой линии – их обожают! Я сперва так растерялась, – и давай вам звонить! Весь персонал сбежался посмотреть! Но оказалось, что они, несмотря на известность, люди скромные и очень приветливые. Подарили вилле фото с автографом, вот стоит, на полочке. Она такая милая женщина, волосы темные, длинные, а глаза так и светятся! Улыбалась все время! Такая красавица! Он очень спокойный и уравновешенный, огромная рыжая борода и шевелюра, как у льва! Совсем по поведению на знаменитостей не похожи: всем были довольны и ничего не требовали. Я сама их проводила до номера, а то Артеми только могла смотреть и улыбаться во весь рот! Номер назвали: «очаровательным!» Вот как нам повезло! Оказывается, что у них на острове есть племянница, они ее давно не видели и планируют навестить. Но это уже завтра, а сегодня сказали, что на вечер не придут: во-первых, госпоже Кассандре надо отдохнуть с дороги, а во-вторых, они вегетарианцы. Петрос с ними уже согласовал меню на ужин, принесем им в номер.

– Ясно, – кивнул Смолев. – Ну что поделать, вегетарианцы – так вегетарианцы. Со всяким может случиться...

– Второй номер, – сверяясь с записями, продолжила старший администратор, – Яннис Карипидис, режиссер-постановщик из Афин, приехавший ставить спектакль в замке Базеос.

Этот, босс, – ну просто прямая противоположность, ядовитый, как плющ! Все ему не так, почему-то с самого утра на взводе, все время возмущался, полицию отчего-то ругал. Я так и не поняла, почему. Лишнее слово боялась ему сказать, он от возмущения булькал и пыхтел как горячий паровой утюг. В номер даже не пошел, чемоданы бросил здесь, с кем-то по телефону долго препирался, потом вызвал такси и куда-то уехал. Про вечер я ему и говорить постеснялась, если честно.

– Ничего, – кивнул головой Смолев. – Мало ли у кого какие проблемы. Не надо нервничать, все будет хорошо. Если вернется сегодня не поздно, пригласим к нам присоединиться.

– Третий номер – Джеймс и Лили Бэрроу с маленькой Кристиной. Здесь все понятно, – пролистнула страницу Катерина. – Четвертый, пятый, шестой номера – актеры труппы театра, съемочная группа, два оператора, осветители. Молодые ребята и две девушки, всего девять человек. Про них все подробно в распечатках, имена, возраст и прочее... Они у нас идут общим списком, старший группы данные представил на всех сразу. Эти точно придут на праздник вечером, как узнали про танцы и угощение, так сразу развеселились. Особенно, когда злобный режиссер уехал. При нем-то они ниже воды себя вели. В смысле, «тише»? Я и так не громко... А, тише воды? А ниже чего? Ниже травы? Ой, босс, погодите, вы мне это потом объясните, а то я запутаюсь! Вот, возьмите на них анкеты на каждого, с копиями паспортов, я распечатала, и общий список.

– Молодец, – похвалил Смолев, забирая распечатки. – Дальше кто?

– Седьмой номер – Крылов Василий Аркадьевич, шестьдесят семь лет, из Санкт-Петербурга...

– Отлично! – радостно воскликнул Алекс, услышав про приезд старого доброго знакомого. – Василий Аркадьевич уже здесь?

– Да, он как раз про вас спрашивал, босс, и я снова вам звонила. Он сказал, что прилетел еще утренним рейсом, но так как багаж у него потеряли в Афинах при пересадке, – такая незадача! – он не удержался и пошел гулять по городу. Я звонила в «Олимпик Эйр»²⁶ по поводу багажа, сказали, минимум три дня. Но он не слишком расстроился. Сходил в Кастро, позавтракал на променаде, прошелся по магазинам, чтобы купить необходимое, – багажа-то нет! – а потом уже дошел до виллы. Так вот, и он вам звонил, не мог дозвониться, и я снова звонила, а вы не ответили...

– Каюсь, каюсь, – смущенно пробормотал Смолев. – Буду рад с ним увидеться на вечере. Кто в восьмом?

– Восьмой номер – Умберто Гольдони, сорок семь лет, итальянец. Представился как сценарист, писатель-историк. Милейший дяденька, в очках, с бородой, упитанный такой. В какой-то коффе длинной на пуговицах. Очень скромный. Багажа почти нет. Под мышкой ноутбук таскает, даже здесь всех вперед пропустил, а сам сел в это самое кресло, в котором вы сейчас сидите, босс, и давай на своем ноутбуке что-то строчить. Печатает и словно под нос себе что-то бормочет. И трубка у него, он ее во рту держит, когда печатает, но не курит. Так смешно! Боялась, что восьмой ему не очень понравится, тесновато же у нас там, но он, мне кажется, даже внимания не обратил: сразу сел за стол, ноутбук развернул и давай себе стучать по клавишам!

– Как его фамилия? Гольдони?²⁷ – удивился Смолев. – Писатель по фамилии Гольдони? Решительно, сегодня день известных фамилий. Ничего, я тебе потом расскажу. На вечере будет? Ну и прекрасно! Кто в девятом?

– Девятый номер – Алджернон Петтигрю и Говард Стэнсбери, – слегка запинаясь, прочла по бумажке сложные имена Катерина. – Обоим по тридцать семь лет. Историки-археологи

²⁶ (местная авиакомпания, совершающая регулярные рейсы по маршруту Афины – Наксос, – прим. автора)

²⁷ (Карло Гольдони, годы жизни 25 февраля 1707 – 6 февраля 1793) – знаменитый венецианский драматург и либреттист, – прим. автора)

из Лондонского Университета, друзья Джеймса Бэрроу. Они еще на прошлой неделе должны были приехать на Наксос, но задержались. Поселились у нас на вилле на две недели, номер и проживание за двух человек оплатил Бэрроу. Улыбчивые, спокойные, загорелые. Почему-то в одинаковых галстуках! Первый раз вижу мужчин в одинаковых галстуках!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.